

Тамерлан Тадтаев

Как я провёл лето

Рассказы и повесть

Резня

Ветра и камни вечны. Мостовая
бесчувственна к восходам и заходам.
И не пьянит луна морозным мёдом
глубин души, где темень гробовая.

Федерико Гарсиа Лорка

В парке было дело, я ждал там свою девушку, и если бы Аниса пришла вовремя, в три, как мы условились, то, может, ничего не случилось бы. Но девушки с первых же дней знакомства испытывают твоё терпение. Они, как пожарные, принимаются тушить твои пламенные чувства, а после, измотав тебя всего, соглашаются выйти замуж. Но ты уже устал от этой чудовищной борьбы и ищешь чего-нибудь полегче на стороне, и, помня, как она заставляла тебя ждать на свиданиях, являешься домой поздно, а то и вовсе не возвращаешься. В половине четвертого я подумал, что ждать глупо и унижительно, и решил свалить из парка. Я двинул к выходу, но по дороге подумал, что, наверное, мы разминулись, и стал искать ее по всему парку. В пять, взбешенный, я стал называть про себя Анису Анусом и громко ржать над ее новой кличкой.

До нее я встречался с Аллой, рыженькой девушкой с потрясающей фигурой. Познакомились мы на стадионе, она бегала вокруг футбольного поля со стайкой хихикающих подружек, а я сидел на трибуне и высматривал себе девушку. Неделю я наблюдал за Аллой, потом, набравшись смелости, побежал рядом и, задыхаясь, выпалил заранее приготовленную фразу: ты мне очень нравишься, я просто от тебя в восторге, давай сходим в кино или в кафе посидим? Алла согласилась не сразу, где-то после тринадцатого круга она взглянула на меня и с улыбкой сказала: ты, я вижу, упрямый и так просто не отстанешь, проводи меня до магазина, а то подружки ушли, а одна я боюсь ходить по парку. Конечно, выдохнул я и свалился на подстриженную колючую траву поля. Алла оглянулась и не останавливаясь спросила: ты в порядке?

Тамерлан Тадтаев — осетинский русскоязычный писатель, публицист. Родился в 1966 году в Цхинвале. Участник грузино-осетинской войны. Награжден медалью «Защитник Отечества». Публиковался в журналах «Дружба народов», «Нева», «Сибирские огни». Автор нескольких сборников стихов и прозы, в том числе «Судный день» (2010), «Полиэтиленовый город» (2013), «Лиахва» (2015) и др. Лауреат «Русской премии» и премии журнала «Нева» (2008).

Предыдущая публикация в «ДН» — 2019, № 5.

О да, крикнул я, всё просто супер, хотя про себя молил бога не дать мне склеить ласты после такого марафона. Мы начали встречаться с Аллой, посидели в кафе, сходили в кино на какой-то паршивый фильм, но после той безумной пробежки на стадионе здоровье мое стало ни к черту. Я думал, чепуха, скоро пройдет, но все оказалось гораздо серьезней, и я стал мотаться по врачам, пить лекарства. Мы расстались под сумасшедший запах цветущей липы, от которого слезились глаза, а подошвы клеились к мостовой из-за пади.

Por supuesto, fue conmovedor, ambos lloramos, pero para mn decidn nunca volver a correr detrbs de una chica, incluso si ella era una super modelo. ¡La salud es mbs importante que el infierno! Sin embargo, el amor es mbs fuerte que cualquier voto¹.

Я уже окончательно решил покинуть парк, и в который раз поперся к выходу, и по дороге чуть не наступил на маленькую девочку на велосипеде. Я улыбнулся ребенку и хотел дать ей конфетку, но в кармане, кроме ножа, трехрублевой бумажки и кой-какой мелочи ничего не осталось. Шоколадные конфеты, которыми я собирался угостить Анус, я слопал сам. Папа малышки, громила Гижмаж, в прошлом боксер в тяжелом весе, сидел на лавочке с Асако и о чем-то с ним спорил. Я поздоровался с ребятами и хотел пойти дальше, но кто-то окликнул меня:

— Эй, Бесо, куда это ты намылился, мать твою? Ну-ка, поди сюда, я тебя обниму!

Я оглянулся и увидел Тантула, недавно вернувшегося из мест не столь отдаленных. По правде говоря, он внушал мне ужас, ведь последний раз он мотал срок за убийство собутыльника, которого знали и почитали не только в нашем городе. Первой мыслью при виде этого душегуба было убежать как можно дальше, но моя проклятая кавказская гордость заставила растянуть губы в улыбке и сделать несколько шагов навстречу пьяному Тантулу. Мы обнялись, но я был начеку и не позволил бы себя пырнуть, да у меня самого в кармане нож с выкидным лезвием, еще посмотрим, кто кого заколет. Страхи мои однако оказались напрасными, Тантул похлопал меня по спине, потом отпустил и тоном, не допускающим возражений, велел сбегать в магазин за водкой. Я подумал, что дешево отделался, и уже было погнался за горячительным, но меня остановил возглас Асако:

— Если тебе нравится жить в Советском Союзе, то ради бога оставайся! Но объясни мне, Гижмаж, почему ты ходишь в адидасах? Не потому ли, что наши вместо одежды производят говно?

— Ты, я вижу, тоже против советской власти?

— Конечно, и никогда не скрывал этого. Свалю в Америку при первой же возможности!

— Так же говорил твой дед, пока его не посадили.

— Он был героем войны, но Сталин, о котором ты говоришь с придыханием, отправил его на Колыму.

— А знаешь, кто арестовывал этого шпиона?

— Значит, это все-таки правда, энкаведешное отродье!

Асако вскочил, длинный, худой, с большим горбатым носом, с недельной щетиной на щеках и лысеющей макушкой. Гижмаж смотрел на него с иронией, он знал, что похож на Марлона Брандо из фильма «Апокалипсис наших дней», и подражал ему точно так же, как все эти двойники Ленина и Сталина в Москве на Красной площади.

Тантул подмигнул мне: дескать, готовься, надо будет разнять ребят. Я посмотрел в сторону магазина: а водка? Это все потом, кивнул бандит и полез в карман за сигаретами. Я тоже решил пока не вступать, ну их на фиг, пусть сами разбираются.

¹ Конечно, это было трогательно, мы оба плакали, но про себя я решил никогда больше не бегать за девушкой, будь она даже супермоделью. Здоровье важнее, черт подери! Впрочем, любовь сильнее любого зарока (*испан.*).

Асако между тем совсем разошелся, он прямо осатанел и орал:

— Мой прадед и его братья были абреки, бунтари, на вас кровь моего деда, и ты, мать твою, сейчас заплатишь за это!

Вытаращенные безумные глаза Асако остановились на дочке Гижмажа, он подскочил к ней, схватил велик за раму, размахнулся — малышка с ревом отлетела куда-то назад. А Асако в ярости принялся колотить велосипедом по голове боксера, словно хотел вбить его в землю. Я отошел за орешник, и меня вырвало. Вернувшись, я увидел Асако, опирающегося окровавленной рукой на ствол дерева, другой он зажимал рану в животе. Тантул сидел на земле с торчащей спицей в груди, рядом валялся нож с темной рукояткой. Сам Гижмаж лежал ничком около лавки, а вокруг его головы образовалось большое красное пятно. Над ним стояла его маленькая дочь с погнутым колесом велосипеда и плакала.

— Бесо, успокой девочку, — сказал Тантул слабым голосом.

— Но как? — развел я руками. — Для этого как минимум нужна кукла.

— У меня в кармане конфеты, возьми и отдай ей.

Я было шагнул к Тантулу, но Асако предостерег:

— Не приближайся к нему, он тебя поджидает с пером, сука.

И вправду, ножа на прежнем месте не оказалось, должно быть, убийца спрятал его и приготовил для удара.

— Асако, прости, — сказал Тантул. — Матерью своей клянусь, я сам не понял, как всадил в тебя финку.

Асако вырвало кровью, он прислонился спиной к дереву и, зажимая живот обеими руками, словно в подоле у него была куча грецких орехов и он боялся рассыпать их, произнес:

— Ну да, бил и бил меня ножом, пока я не вогнал в твое поганое сердце спицу.

— Это было неожиданно, — признал Тантул и, взявшись пальцами за жало, уже собирался выдернуть из груди, но Асако предостерег:

— Не делай этого, сдохнешь сразу же.

— Не хочу умирать, лучше в тюрьму, Гижмажа я тоже возьму на себя. Эй, Бесо, ты еще не вызвал «скорую»?

— Хер тебе, подыхай! Асако, давай я помогу тебе дойти до выхода. Хоть тебя спасу.

— Нет, я умираю. Лучше уведи девочку отсюда...

Как назло, поблизости не было людей, я схватил ребенка и побежал к выходу. Народ уже валил к месту резни, я кинулся в магазин и попросил продавщицу присмотреть за девочкой...

С тех пор прошло лет тридцать, я живу в Барселоне, у меня свой бизнес по всему миру. Пандемия застала меня на моей яхте «Асако», и я решил написать историю названия.

Джокер

Письмо от Бесы я решил почитать на посту номер два, то есть на вышке. В Нагорном Карабахе уже начались боевые действия, в самом Тбилиси тоже было беспокойно, и потому бойцы нашей части ходили в наряд с оружием и боевыми патронами. Я забрался по скрипучим деревянным лестницам на вышку, вскрыл письмо и стал читать: «Таме, братишка, привет! Как ты там, как тебе служится? Надеюсь, у тебя все хорошо, я вот свое отмотал, уже месяц как дома, а тебе еще год тянуть солдатскую лямку, ну да ничего, держись. Вчера я зашел к вам домой, и мама твоя накрыла на стол, угостила меня цади, слушай, она печет их божественно, я прямо объелся. Она еще лобию положила и, прикинь, я попросил добавки, а после целый день

ходил попукивая. Ну ладно, теперь я тебе кое-что скажу: твою Нину похитило одно ничтожество, и она родила ему двойняшек».

Буквы слетели с письма, точно мошки, и передо мной нависла небольшая черная тучка, ладони вспотели, я разжал ледяные пальцы, и горячий ветер, воспользовавшись моей слабостью, попытался вырвать листок. Отдышавшись, я схватил тучку, сдвинул ее над бумажкой, и она растеклась строчками: «Поверь, она тебя не стоит, ну да, соглашусь, что она секси, зато глупа до невозможности. Я с ней как-то говорил, мозгов у нее в голове не больше, чем в курице. Тебе нужна совсем другая девушка, ты достоин лучшего, и, если наложишь на себя руки, — сделаешь непоправимую глупость. Может, ты думаешь, что соберешь у своего гроба толпу в несколько тысяч человек и они все будут рыдать над тобой и рвать волосы? Расслабься, чувак, тебя никто уже и не помнит в городе. Кстати, тут произошло несколько странных самоубийств: девушка утопилась в реке, оставив письмо, хотя нет, это паренек написал послание и повесился, они, кажется, учились в одной школе, может, даже были одноклассниками, не в этом суть. Ты вникай: девчонка была красавица, и она приходилась племянницей этой, ну, может, ты догадался, имя и фамилию не хочу писать, вдруг вскроют конверт. Так вот, девушка собрала на свои похороны много народу, и когда ее несли по старому мосту, я взял и отстал: вдруг он провалится к чертям? Пацана, конечно, тоже пришли провожать, но людей было гораздо меньше, так что по старому мосту я топал вместе с процессией. Это я к тому, что, если ты все-таки надумаешь наложить на себя руки, от меня, ублюдок, ты даже слезинки не дождешься. Прийти, может, и приду на твою могилку, но только для того, чтобы насрать тебе на грудь. Так и знай. Твой друг Беса».

Прочитав письмо, я сунул бумажку в карман, сел, прислонившись спиной к сколоченному из неотесанных досок ограждению вышки и вставил дуло автомата в рот. Только я это сделал, как вдруг ощутил себя вдавленным в спинку заднего сиденья автомобиля, бешено мчащегося по тоннелю.

Водитель впереди пускал синие табачные колечки, и они медленно нанизывались на его странный шутовской котелок.

— Ты везешь меня в ад? — спросил я.

— Ха-ха, не угадал! — извозчик стал колотить ладонями по рулю с таким восторгом, что с него слетел котелок. Он поднял шляпу, нахлобучил на свои зеленые кудряшки, повернулся ко мне, и я увидел перед собой улыбающееся лицо джокера.

— Едем в психушку, мы все там побывали, так что ты не исключение.

— По-твоему, я джокер? — большим пальцем я нащупал спусковой крючок на автомате.

— Конечно, ты сам убедишься в этом.

— Не в этой жизни. И спасибо за компанию.

Джокер отвернулся и начал выкручивать руль. Послышался визг колес, машину шваркнуло о скалистую стену тоннеля, меня отбросило к дверце, ствол во рту переместился к щеке и наполнился огнем и кровью от выстрела.

Я встал со своей привинченной к полу кровати, влез в тапочки, побрел к туалету и остановился из-за шума в соседней палате. Оттуда выскочил здоровенный узбек и, вопя во всю мощь своих легких, побежал на меня. За ним гнались врачи, санитары и десяток психов. Эй, джокер, чего лыбишься, хватай его, кричала толпа, он на десантника парализованного насрал, а к нему жена едет из Москвы!

Я кивнул беглецу: типа, меня ты можешь не бояться, я джокер и подыграю тебе, — тот, похоже, поверил, во всяком случае, не остановился, и я поставил ему подножку. Узбек кувыркнулся, я накинулся на него, оседлал и стал молотить по голове:

— Ты когда успокоишься, мать твою? Из-за тебя я неделю не сплю! Слушай сюда, — я перешел на шепот, — кого ты хочешь обмануть? Мы все тут ломаем комедию, чтобы комиссоваться, но ты перегибаешь палку.

— Эй, отвали, — узбек дотянулся до моей шеи своими лапами и захрипел. — Я убью тебя, джокер, всех задушу ночью, когда уснете.

— Ну, это мы еще посмотрим, — я вырвался и отскочил к стене, чтобы не попасть в замес.

Первыми до узбека добрались психи и стали молотить его ногами, тот отбрыкивался и кусался, точно бешеный, потом подоспели санитары во главе с местным врачом и надели на беглеца смирительную рубашку.

Тем же вечером в дурку пришла Наташа, жена того десантника с обосранной грудью, и мы все набились в его палату, пожирая взглядом высокую, в просвечивающем голубом платье блондинку на шпильках. Красавица Наташа сидела на кровати мужа, прижимая к груди и целуя его беспомощную руку. Я был тронут, и тем не менее ощущал в штанах железобетонный стояк. Иногда она наклонялась к супругу и о чем-то шепталась: должно быть, они вырабатывали совместный план действий. И в рот мне потные ноги, если я хоть сколько-нибудь верил двухметровому десантнику. Ну, стукнул его старшина по башке молотком во время спора, но не проломил же черепушку? Нет, с головой у него все было в порядке, и с ногами, пожалуй, тоже, во всяком случае, мог бы сходить в туалет вместо того, чтобы лежать, как овощ, и гадить под себя.

Вот Армен, бедолага, точно не притворяется — обтянутый кожей скелет, но даже он добирается до сортира, правда, в сопровождении земляка. Армена, кстати, тоже избил прапорщик, по голове лупил, ублюдок, парня и чего-то там повредил, теперь он не может ни есть, ни пить. Бывало, на обеде мы умоляли Армена хотя бы ложку каши проглотить за маму там или за папу, ну, кого любишь, может, девушка есть, ты ведь не хочешь, чтобы она пошла к другому? Ну, голубчик, не упрямясь! Но бедняжка поджимал губы, отказывался, иногда даже плакал, словно младенец. Десантнику же приносили жратву прямо в постель, как принцу крови, кормили его с ложки, он съедал свою порцию и шепотом просил добавки, — значит, все с ним было в порядке, а, впрочем, кто знает. Мне просто очень понравилась Наташа, вот бы мне такую девушку, смотрел бы на нее, счищал бы пыль с ее зеленых лодочек, с платья, прислуживал бы, как королеве. Разумеется, мне было противно слушать местного врача, стоявшего рядом и бормотавшего всякие гнусности, типа ох какая п..., я бы ее так, потом бы этак...

И вдруг москвичка посмотрела на этого гнусного врача и попросила у него разрешения остаться здесь на ночь с мужем — сказала, что будет спать в его постели тихо, как мышь. Я чуть с ума не сошел от радости, начал искать взглядом кровать поближе, чтобы оттуда всю ночь смотреть на нее. Врач однако наотрез отказал в ночлеге: во-первых, нельзя по уставу, во-вторых, это психбольница и психи могут с ней сделать все что угодно, но ему интересно, почему она не сняла номер в гостинице. Наташа сказала, что в поезде у нее украли сумку с паспортом и деньгами. Врач немного подумал и сказал: а знаете что, поехали ко мне, переночуете, утром привезу вас обратно. Наташа попрощалась с мужем и ушла вместе со светящимся от счастья врачом, а мы, разочарованные, разбрелись по своим палатам, оставив десантника один на один с его чувствами.

Тамада

Как-то Кусок рассказал мне историю про тбилисского тамаду, и, о други мои, я свалился со стула от смеха. Признаться, я завидую людям, которые умеют веселить публику, у меня вот не получается, зато я могу превратить самую смешную шутку в великолепный траурный некролог. Мухи дохнут, когда я пытаюсь рассказать анекдот, и люди вокруг начинают вздыхать, друзья сочувственно переводят разговор на другую

тему. Мне бы умолкнуть, успокоиться, но нет: потя от напряжения, я несу никому не интересную чушь. Был случай, когда Сумасшедший Махар кинул в меня стаканом и крикнул: заткнись, не умеешь ты рассказывать, для этого нужен талант, понял?! Здорово меня отчитал тогда Махар, и с тех пор я помалкиваю, когда ребята начинают травить анекдоты.

Но, если Кусок рядом, я прошу его рассказать про тбилисского тамаду, рискуя при этом напороться на отказ. Но мне плевать, потому как я человек настырный и после просьбы перехожу к активным действиям. Обычно я начинаю с легоньких толчков локтем в бок: давай, ну, пожалуйста, расскажи про тамаду, не томи душу! Кусок упрямится и, презрительно поджав под орлиным носом губы, отворачивается, бомоча: ес винарис магис деда моткан¹.

И ничего ты с ним не сделаешь, потому что человек не в настроении, ну, или слишком пьян, раз валится набок. Вот и приходится тащить на себе тело, которое тяжелей на целую тонну. Живет напарничек в центре, в длинном многоквартирном доме напротив театра. На лестничной площадке с перилами, которые больше напоминают ограду на могиле, я принимаюсь барабанить в дверь квартиры, за которой прячется отец Куска. Старик не любит меня, а своего сына ненавидит, однако пропускает нас в квартиру. Я здороваюсь с ним и волоку напарника дальше, в его комнату. Там я укладываю друга на провонявшую вином и табаком постель, и, хотя он лягается, как конь, мне удается стащить с него обувь и накрыть одеялом.

В последний раз Кусок рассказал историю про тамаду на лестнице ресторана «Эрцо», от которого после штурма остались руины. Бой шел несколько часов, и вдруг наступило затишье, пулемет еще не успел остыть на парапете, я не знал, чем себя занять, ожидание боя страшной самой войны. Тишина щекотала нервы, я был страшно возбужден, бегал к дереву и писал на его обкусанный осколками снарядов ствол. Кусок курил, я поднялся на самый верх лестницы, как рок звезда, держа в руке пенал от пулемета, и, оглядев развалившуюся на каменных ступеньках публику, сказал: давайте попросим Куска рассказать про тбилисского тамаду. Зрителями на том знаменитом концерте были Андрейка Козаев, Пинка Васи, Эрик Кабулов, Алан Остаты, Радик Табуев, Инал Бекоев, Хыта — тот самый, что откусил ухо жениха на свадьбе, Чиро Младший, Заронд, Вич; были еще какие-то ребята, но разве всех запомнишь? Кусок был в ударе, ребята все держались за бока от смеха. Потом начался бой, и к утру мы недосчитались восьмерых.

Спустя неделю я, как обычно, нес на себе своего напарника. Ночь, тьма, за окнами домов — слабые огоньки свечек. Со стороны Гафеза шла сильная пальба, мимо пронеслись набитые вооруженными людьми автомобили. Рядом тормознула машина Парчи, я тоже остановился, при этом крепко держа Куска, чтобы тот не упал.

— Таме, это ты, что ли? — спросил Парчи после некоторого молчания.

— Он самый, — говорю.

— А кто это с тобой?

— Кусок.

— Понятно. Извини, что не предлагаю подвезти, в машине, сам видишь, нет места.

— Спасибо, мы почти уже на месте.

— Ладно, Таме, мы погнали.

— Давай, удачи.

Машина сорвалась с места, потом затормозила опять, сдала назад и чуть не сбила меня с напарником. Стрельба стихла, в автомобиле тоже перестали шуметь, как будто внутри все умерли. Наступила тишина, и мысли одна страшной другой стали разить мне грудь: а что если в Куска попала шальная пуля? Уж больно тяжелый стал он, не подает признаков жизни, но тогда бы я был весь в крови! Я давно уже заметил, что на

¹ Как же он за...бал, мать его (груз.).

каком бы ты расстоянии ни стоял от трупа, все равно замараешься. Я поднес руку к лицу, обнюхал обожженную пулеметом ладонь, лизнул. Так и есть: ружейное масло. Должно быть, не до конца завинтил крышку пузырька, оно и вытекло в кармане, неприятно, конечно, но все же лучше, чем если бы кровь Куска.

— А что за история про тамаду? — спросил Парчи своим густым басом.

Потея и хихикая, я начал мямлить про свадьбу, на которую пригласили знаменитого тбилисского тамаду, туда же пришел чувак, служивший в Афганистане. Он был в форме, а пряжка на его солдатском ремне была слеплена из гашиша. Он отломил кусочек, заправил папиросу, дунул и пустил по кругу. Гашиш оказался что надо, молодежь прибалдела. Тамаде тоже захотелось попробовать, ему передали папиросу...

Но Парчи уже не слушал, он переговаривался с кем-то в салоне. До меня донеслись слова Сумасшедшего Махара:

— При всем моем уважении к тебе, Парчи, я тебе не говорил, что парень не в себе?

— А где его так?

— У ресторана «Эрцо» его контузило, — это уже Кумпол.

Сколько их там в машине, подумал я.

— Да оставьте парня в покое, — сказал Алмар. — Дайте ему лучше вина, раз не можем подвезти ребят до дома...

Грузовик с водкой

Войны, как я ожидал, не случилось, ребята все разбрелись по домам искать золото и наркоту. Командующий южным фронтом Темо Цхурбати злился, но ничего не мог поделаться с мародерством. Я сказал ему, чтоб он расслабился, закон войны, знаешь ли, нам тоже не мешает прибарахлиться, зима на носу, не знаю, как у тебя, но у меня нет ни куртки, ни теплых ботинок, так что извини.

Тут по нам с холма стали бить ингуши. Ребята, кто был на улице, вскинули автоматы, стали жарить в ответ и в две секунды погасили точку. Мародеры высыпали на улицу с тяжелыми сумками.

Темо решил положить грабежам конец, сделал вид, что вот оно, началось по-настоящему. Выгаращив глаза, он дико завращал ими, крикнул «за мной!» и бросился вперед. Только никто за ним, кроме меня и небольшой группы северян, не побежал. Остальные уселись на свои баулы, покурив и перекинувшись словечком, вернулись к своим делам.

Не люблю бегать ни вперед, ни назад, я и притормозил на повороте возле небольшой колонны тентованных «КамАЗов» с прицепами. Всего машин было три: трехосные, военные, совсем еще новые «КамАЗы». Что они тут делают, подумал я и, взяв на прицел ближайший тягач, стал осторожно к нему приближаться. После нескольких шагов я осмелел, и, закинув на спину ручной пулемет, вскарабкался в кузов и, увидев, что он набит водкой, силным от восторга голосом начал звать командующего. Тот не торопился, и я успел осмотреть остальные, — тоже полные водкой. Ну пошла пруха, кончилась, значит, эта черная полоса в моей жизни, и на нашу улицу привалил праздник!

Я спрыгнул вниз с бутылкой, отгрыз зубами крышку, выплюнул ее, приложился к горлу, отхлебнул, занюхал рукавом драной ветровки. Потом подошел к кабине первого «КамАЗа», который понравился мне больше остальных, взялся за ручку дверцы, но открыть не спешил: вдруг ингуши заминировали свои машины? Я как будто в русскую рулетку играл: сердце колотилось, пот выступил на лбу, во рту сделалось

сухо. Я сделал еще глоток, закрыл глаза и уже хотел дернуть ручку, как услышал за спиной голос командующего южным фронтом:

— Звал?

Я повернулся к нему, улыбаясь:

— Слушай, нам чертовски повезло, машина набита водкой! Ты сядешь за руль, и мы прямо сейчас отгоним ее домой!

— Нет, Таме, ничего не получится.

— Почему это? — ошарашенный ответом командующего, я отпил еще водки.

— Потому что я командир, и какой пример я подам остальным?

— Ты что, совсем спятил? Давай садись за руль и гони домой «КамаЗ», а здесь пусть продолжают без нас, мы свое отвоевали!

— Нет, Таме, — Темо покачал головой и, запустив пятерню в бороду, задумчиво стал скрести ее. Вокруг начали собираться люди, все больше ополченцы-северяне.

— Ладно, — я отшвырнул бутылку, схватился за ручку дверцы, дернул на себя, открыл, залез в кабину и сел за руль.

— Ты же не умеешь водить, — ухмыльнулся командующий южным фронтом.

— Научусь сейчас, а если не доеду до дома — смерть моя будет на твоей совести!

— С меня похороны и салют, — сказал Темо, подумав. — Ты где хочешь лежать?

— В пятой школе, конечно.

— Ладно, устроим все как надо, я всем скажу, что Таме сам достал водку на собственные поминки.

— Не торопись меня хоронить...

Тут опять по нам начали палить ингуши, пули пробили ветровое стекло, осыпав лицо стекольной пылью. Я спрыгнул и побежал за командиром. Перестрелка была недолгой, ингуши отступили, не успев начать. Я вернулся обратно, но машин на прежнем месте уже не было.

Парчи

На главной площади Цхинвала шла репетиция парада к годовщине независимости. А я, Парчи, Чучук и какой-то крендель сидели в тени на лавочке и смотрели на марширующих. Парень фамильярничал с Парчи, который годился ему в отцы, и сыпал тупыми комментариями: поглядите-ка на телок в форме, ух ты, шагают-то как, только у той вон зад обвис, а у этой ходули, как у штангиста...

В колонне женщин мне приглянулась брюнеточка с красивыми ногами и пышным бюстом. На вид ей было лет тридцать, может, чуть меньше, но выглядела шикарно, и если бы меня спросили: Таме, кого ты хочешь — скелетку с подиума, демонстрирующую на своих костях бельишко, или сочную брюнетку в форме МВД, я бы не задумываясь выбрал девушку в пилотке. Тип тоже положил на нее глаз и объявил, что за ночь с ней отдал бы свою здоровую ногу.

Есть люди, которые начинают бесить тебя только одним своим видом, даже когда они молчат, а этот болтал как засланный. Будь я помоложе, врезал бы ему по морде, но годы выжали из меня силу. И если до войны ноль восьмого я подтягивался на турнике тридцать шесть раз, то сейчас поднимал свою тушу на перекладине семь, от силы восемь раз и то с утра, задолго до завтрака.

А парень не унимался и продолжал гундеть — любимое слово покойного Зюзеля, земля ему пухом. До сих пор вспоминаю, как мы с ним тусили на Каннском фестивале. Мы махнули туда со своим фильмом в мае 2015-го, а в ноябре Серёги не стало. Его хватил удар прямо за монтажным столом. Девчонки, с которыми он работал, передали его последние слова: вызывайте «скорую», у меня, кажется, микроинсульт. Я был в шоке от смерти друга и целый год запирался в ванной, откручивал кран над раковиной,

садился на унитаз и, закрыв ладонями лицо, плакал навзрыд. Конечно, о таких вещах лучше говорить своему мозгоправу, как это делал Тони Сопрано. И ведь тоже ушел, я про Джеймса Гольдофини, сыгравшего босса мафии, царствие ему небесное.

Я взглянул на своих старых друзей, Чучука и Парчи, и мне показалось, что они тоже злятся на этого болтуна, но почему-то молчат, не хотят, видно, связываться с молодняком. Ребята нынче такие дерзкие стали, никакого воспитания, таскаются с травматами и чуть что — начинают палить. Но есть волшебная фраза, от которой вся их дерзость и дикость опадает, как член после оргазма. Я знал эти магические слова и решил поставить сосунка на место без выстрелов. Я вытащил из-под лавочки полуторалитровую бутылку колы и произнес с пафосом: за тех, кто в восьмом был здесь, за ребят, защищавших наш город!

Тост мой подействовал на болтуна, как заклинание на нечистую силу, и он сразу же смолк. Ага, сработало, значит, он не был на войне и ему не место среди нас, ветеранов. Давай иди, вали к своим, к тем, кто прятался в восьмом в подвале под юбкой своей мамочки или женушки. Сделав глоток, я передал бутылку Чучуку, сам закурил и злорадно взглянул на типа. Тот совсем скис, опустил голову и смотрел на окурочек перед собой. Парчи выпил последним: у него обнаружился туберкулез, и он ни за что не прикоснулся бы к горлышку первым.

— Та девушка с обвисшим задом, — сказал он, — снайперша.

— Которая? — спросил я.

— Да вон, что перед рыженькой стоит, видишь?

— Нет.

Я снял очки, протер их, снова надел, но репетиция парада заканчивалась, и девушки, окликая друг друга, разлетались по своим уютным гнездышкам.

— А почему я не слышал про нее прежде?

— Потому что она профессионал и шифруется.

— Вы про М? — кивнул Чучук. — В восьмом, говорят, она завалила двадцать грузинских пехотинцев.

— Больше, — сказал веско Парчи, вертя в руке пустую бутылку.

— Встретиться бы с ней и написать про нее что-нибудь.

— Она не дает интервью.

Чучук покачал своей большой седой головой.

— А может, я все-таки уболтаю ее?

Парчи кинул пустую, похожую на минометный снаряд бутылку колы в урну, не попал, и она, стукнувшись о железный бортик, отлетела в сторону нового фонтана. Тип крикнул «бум», но, заметив, что никого не испугал, встал и объявил: я иду в магазин за мороженым, кому какое принести?

Чучук заказал шоколадного и полез в карман, но парень замахал руками: нет-нет, за мой счет, я угощаю.

— А тебе какого? — спросил он Парчи.

— На твое усмотрение, — улыбнулся тот. — Ты в этом лучше меня разбираешься.

Дерзкий прищуренный взгляд парня остановился на мне, я вежливо отказался.

Тип, наконец, свалил, а я стал думать про снайпершу. Мне стало интересно, замужем ли она, есть ли у нее дети и как вообще живет женщина, завалившей двадцать вражеских солдат. Что она чувствовала, когда смотрела в прицел на молодые лица? И в какой момент решила, что пора? Бац, первый, потом второй, третий, четвертый, враги мечутся, хватают раненых, чтоб оттащить товарищей в укрытие, но пули косят их самих. Кто-то поскальзывается в луже крови, падает и притворяется мертвым, но снайпершу не проведешь, и она всаживает ему пулю в затылок. Как же ясно я представлял себе эту бойню, словно сам был вместе с грузинскими пехотинцами. Но я не дал бы себя убить, накрылся бы трупами — чтобы выжить, все средства хороши.

Сумерки между тем окутали площадь, вокруг зажглись фонари, и я медленно начал погружаться в чудесный сентябрьский вечер. Мне представилось, будто я муж той красивой брюнетки в пилотке. У нас очаровательные дети, я жду ее дома, волнуясь, ведь на работе она привлекает к себе внимание мужчин своей сексуальной внешностью. Но она верна мне и спешит к своему любимому мужу. Я встречаю жену и подогреваю на ужин пироги со свекольной ботвой. А после еды мы сидим в обнимку на диване и смотрим какой-нибудь триллер или комедию. Потом мы укладываем спать детей, идем в спальню и занимаемся любовью. Я совсем уже погрузился в мир брюнетки, мне было там уютно, и я не сразу услышал, о чем говорил Парчи.

А он рассказывал про то, как в двенадцатой школе закрепились с десятком вражеских солдат и, поняв, что живыми им не уйти, решили продать свои жизни как можно дороже. Парчи, спрятавшись за деревом, кричал им «сдавайтесь», обещая сохранить жизнь каждому, но они в ответ стреляли из автоматов и матерились. В общем, совсем озверели, и надо было кончать с ними.

Бац! — совсем рядом в руке малыша лопнул шарик, я вздрогнул, карапуз приготовился заплакать, но тут же утонул в объятиях своей мамочки, присевшей перед ним на корточки: ну-ну, ты же мужчина, я тебе надую другой, ладно?

Мимо прошли солдаты в парадной форме, из телефона одного из них звучала песня Цоя: группа крови — на рукаве, мой порядковый номер — на рукаве, пожелай мне удачи в бою...

Брюнетка спит. Осторожно, чтобы не разбудить ее, я встаю с кровати и одеваюсь у зеркала. Брюнетка открывает глаза и спрашивает: милый, ты куда? Я сейчас, ты поспи еще. Береги себя, сладкий. Конечно, милая.

— И тут откуда-то появился пацан с автоматом, — продолжал Парчи, — и стал умолять меня дать ему гранаты. Зачем они тебе, спросил я. Да чтоб закинуть их в окно к солдатам, пусть сдохнут. Я сначала уговаривал мальчишку, что не прокатит, заметят, нельзя к ним подкрасться, поэтому они так долго держат оборону. Слушай, ребята с гранатометами уже бегут сюда, давай ты не будешь рисковать, сынок. Но он ни в какую, так что пришлось дать ему лимонки. Он схватил гранаты и побежал к школе, но солдаты сразу же заметили его и подстрелили, он упал и стал звать на помощь. Наши, все, кто там был, стали палить по школе, чтобы прикрыть сосунка. Возле кучи мусора валялась ржавая тачка, я подогнал ее во двор школы, закинул в нее мальчика и вывез из-под огня.

— Ты про кого? — спросил я Парчи.

— Да про пацана этого, — он поморщился, сисясь вспомнить имя. — Ну, кто за мороженым пошел. А вот, кстати, и он.

Тип, прихрамывая, подвалил к нам с большим кульком и, отвернув края, протянул: Парчи и Чучук вынули по мороженому. Я опустил голову, и пацан осторожно положил мне на колени холодную бутылку колы.

Буса

У меня была родственница, красавица необыкновенная, очень независимая, напористая и мощная. Никого деваху не слушала, гуляла, и с ней случилось то, что называется «попользовались и бросили». Другая после такого облома пошла бы по рукам, но только не наша Буса. Недолго думая она вышла замуж за невзрачного мужика, который и мечтать не смел о таком счастье. Родила ему двоих сыновей и стала вить гнездышко. Для начала она устроилась на хлебное место, выбила всеми правдами и неправдами большую квартиру в престижном районе. Мало того, в голодные 80-е Буса ездила в Москву, выстаивала там в безумных очередях и привозила шмотки, обувь — словом, всё, что называлось дефицитом, продавала, и за несколько лет

обставила свою большую отремонтированную квартиру всякими стенками, кухнями и прочей импортной мебелью. Разумеется, в семье ее редко видели. Буса вкалывала вовсю, и вскоре отгрохала в родовом нашем селе огромный каменный дом с верандой.

Своим сыновьям, моим ровесникам, она не позволяла водиться со мной, говоря, что я босяк и плохо на них влияю. Я сначала горевал, ведь я очень любил родственников, но дверь мне открывали нехотя, не приглашали войти, а я так хотел послушать музыку или посмотреть запрещенный фильм на видеомагнитофоне. И я стоял на лестничной площадке, бедный родственник, слушая голоса троюродных братьев, сжимая кулачки от обиды и глотая слезы.

Время однако шло, Буса скопила денег и устроила старшего сына в московский институт, а через год прошел слух, что его посадили в тюрьму за кражу, младшего я частенько видел в компании наркоманов, и он демонстративно не признавал во мне родича. Но грянула война, сокрушив планы моей неутомимой родственницы. Старший вернулся в Цхинвал, но не прижился в городе, дернул обратно в Москву и снова загремел в тюрьму.

К тому времени я стал в Цхинвале заметной фигурой, и однажды ко мне пришла Буса и со слезами умоляла повлиять на сына-наркомана. Я сказал, что поговорю с ним, однако не успел: тот умер от передоза. Мужу ее тоже, видно, приходилось несладко под одной крышей с властной женщиной, он потихоньку спивался, и однажды его нашли мертвым на улице.

В нулевых старший, отсидев срок, вернулся в Цхинвал, женился, но как-то неудачно и вскорости развелся. Ходили слухи, что, напившись, он избивал свою мать, и та не выходила на улицу из-за синяков.

Как-то я шел по городу, и знакомый голос окликнул меня, я оглянулся и увидел Бусу. Но, боже, как она переменялась, — она едва ходила на распухших ногах, опираясь на палку. Я спросил, что случилось, и она, заплакав, стала жаловаться на сына. Я не знал, что сказать и, взяв ее исхудавшую руку, перевел через дорогу, спросил: куда тебе? Она ответила: в больницу, у меня нашли рак. Я поймал такси, посадил бедную в машину, заплатил водителю и попрощался с ней, заверив, что поговорю с ее сыном. Еще через какое-то время мама сказала, что Буса умерла. Я пришел на похороны и, как один из близких, подставил плечо под гроб, в котором мы понесли ее на кладбище. Она была накрыта простыней, горячий летний ветер откинул край покрывала, и стала видна ее иссохшая восковая рука, до которой мне хотелось дотронуться и сказать: Буса, ты очень устала, спи спокойно, родная...

Сочинение на тему «Как я провёл лето»

I

История, которую хочу рассказать, сумасшедшая, персонажи реальные, имена невымышленные. Еще бы суметь некоряво описать действия героев, и Зара Захаровна, уверен, заметит мое сочинение, откроет тетрадь и прочитает текст на одном дыхании. Восхищенная повестью, она поскачет в учительскую и прочтет ее там своим коллегам. Те выпадут в осадок от умиления, всплеснут руками и начнут охать: какой умница новенький, его за партой не видно, а он уже через такое прошел, навидался, бедненький. И тут Зара Захаровна, фанат моего творчества, внесет предложение от имени всего коллектива учителей школы послать рассказ в какой-нибудь литературный журнал с просьбой, нет, с требованием опубликовать, и в один прекрасный день я проснусь знаменитым...

Упс, размечтался, не гони коней, братец, остынь, не слышал разве, что угодить беременной женщине непросто, а Зара Захаровна сейчас на седьмом месяце. Располнела, щеки — во, пузо, конечно, не такое большое, как у дяди Гриши, но выпирает дай бог! Недавно застал ее в классе жрущей мел, целый кусок приговорила с таким счастливым видом, будто рахат-лукум лопала. По правде говоря, сейчас толку от училки никакого, не вдохновляет меня ее полнота, — словом, не моя она муза. Скорей бы свалила в декретный отпуск и вместо нее на урок пришла бы какая-нибудь хорошенькая практикантка. Я уже и стихи приготовил, чтобы приворожить новенькую:

любовь моя алая роза
из сердца пробилась к горлу
теперь надо быть осторожным
чтоб нутро не поранить шипами
но любовь моя очень капризна
за клеткой грудною ей тесно
и рот лепестками шекочет
раздирая колючками глотку

Ну и какая девушка устоит против таких колдовских строк, написанных на влажном после схватки кимоно? Ни в одном из своих сочинений я не писал, каково бороться на ковре, сейчас я попытаюсь передать свои ощущения. На товарищеской встрече с командой из Чечено-Ингушетии моим соперником оказался ингуш из Назрани. Он обещал вытереть мной ковер как тряпкой, я кивнул в ответ, дескать, посмотрим, но душа моя уже билась в пятках, как заплывшая под тапок рыбка.

Я очень пожалел, что вообще явился на эти соревнования, подумывал даже бежать из зала, наполненного орущими болельщиками и разогревающими себя дзюдоистами. Но бывает иногда, что ждать собственной гибели легче, чем удрать, и я, словно приколотенный гвоздями к длинной низенькой скамейке, сидел, пока не услышал свою фамилию. Сказать, что я вскочил, ринулся на своего заносчивого противника и в две секунды одержал над ним чистую победу, было бы неправдой. Все было с точностью до наоборот. Мало того, перед схваткой на соревнованиях, где публика бранит и освистывает тебя при малейшем промахе, я погружаюсь в какое-то полуобморочное состояние, словом, страшно мандражу. Тренер что-то говорил мне, я кивал, хотя ни хера не слышал. Отодрав свой зад от полинявшего дерева, я встал и попер на середину ковра с таким ощущением, словно погружался в воду. Судья крикнул «хаджиме», мы схватили друг друга за кимоно, и ингуш под рев своей команды стал таскать меня по ковра, вдруг подсек, я упал на бок, и судья дал ему юко. Товарищи мои были разочарованы, а я барахтался на дне реки, пускал пузыри и пытался всплыть. Но противник не давал мне этого сделать и топил меня, набирая очки.

И все-таки мне удалось вынырнуть и, набрав воздуха в легкие, оценить ситуацию: шансы мои на победу были практически равны нулю. Времени почти не осталось, чтобы отыграть хотя бы жалкую коку. Я был весь растрепан, судья остановил схватку и велел мне заправиться. Я медленно стал завязывать пояс, так же не спеша подошел к своему противнику, отдышался, собрал всю свою волю и силу в кулак. Захватив ингушу руку и отворот кимоно, я резко дернул противника на себя, подсек — не вышло, задняя подножка тоже не получилась, бросок через бедро накрылся медным тазом. Мешок ты, Тамик, крикнул тренер, раньше надо было бороться! До конца схватки оставались считанные секунды, соперник мой был уверен в своей победе, он расслабился и ждал окончания. Это было ошибкой, в дзюдо всегда надо быть начеку, и я сделал ингушу сюрприз — бросок с подхватом. Соперник грохнулся на спину. Я и мечтать не смел проделать этот прием в схватке, да еще в последние секунды, взглянул на судью: тот вскинул руку и крикнул «иппон» — чистая победа!

Не знаю, право, что бы я выбрал между увлечением дзюдо, страстью к сочинительству и любовью очаровательной практикантки. Ну а если вместо Зары Захаровны за учительский стол сядет не дивно пахнущая красавица студентка, а злобный усатый практикант?

Здесь, в Северной Осетии, учителя практически не бьют учеников, не то что на юге, там преподаватели лупили нас будь здоров, а практикант по кличке Тити Бале (Жопа Бале) вообще оказался зверем. Как-то на уроке он докопался до моего одноклассника и друга, с которым я делил парту. Кореш увлекался боксом, обладал нокаутирующим ударом, и все смотрели на него как на будущего чемпиона. Но страсть одноклассника к пиву и сигаретам превратила его талант в прах. И все равно в уличных драках среди подростков ему не было равных, он, между прочим, отделал самого Тики как бог черепахи. Махались они в парке между тиром и чертовым колесом, где мы обычно гоняли в футбол: «И вот нашли большое поле, есть разгуляться где на воле», как в «Бородине» Лермонтова.

А в кабинете физики, набитом партами, не больно-то развернешься, не попорхаешь вокруг практиканта бабочкой, чтобы выбрать позицию и нанести сокрушительный удар в челюсть. Панчер¹ наш сжал кулаки, но врезать не решился — струсил перед рослым, с накачанными бицепсами Тити Бале. Тот, чувствуя свое превосходство, не стал церемониться с учеником и надавал ему оплеух и пинков. Одноклассник мой смирился и принимал удары молча, как боксерский мешок. После экзекуции кореш рухнул на свое место, положил голову на парту, как на плаху, и сдавленно зарыдал. Я видел слезы униженного и побитого, хотел подбодрить, да не знал как.

Ситуация была непростая, урок физики только начался, и надо было как-то выразить другу сочувствие. И черт меня дернул протянуть ему свой грязный платок, в ответ я получил под дых. Никто этого не заметил, я опустил голову на парту и тоже стал проливать слезы и вынашивать месть. К концу урока друг шепотом попросил прощения, чепуха, прошипел я, он не поверил и на перемене предложил вернуть ему удар. Полагаю, он думал, что я его просто толкну, и мы будем квиты, да не тут-то было. Я вернул должок от души, и он согнулся от боли, потом кинулся на меня, и мы подрались. Ну да это пустяки по сравнению с тем, что сотворил ублюдок-практикант на следующий день.

После большой перемены я, вместо того чтобы идти на урок математики, спустился в физкультурный зал и стал рубиться в пинг-понг с Докой из десятого класса. Он был из села Хеуит, занимался футболом, считался одаренным спортсменом, что, впрочем, не мешало ему курить и бухать. Коренастый шумный грузин с длинными, до плеч, волосами, Дока был заводилой школы. На уроки он приходил в брюках клёш, казаках и кожаной куртке. Бывало, он являлся в школу подшофе, с бутылкой пива, во главе толпы прогульщиков. Они вваливались в столовую, Дока спрашивал двоечников, кому что взять, платил за них — непонятно, правда, откуда он брал деньги. Докадзе — кличку он получил благодаря своей фамилии — зря никого не обижал, заступался за слабых и как-то ударом в челюсть вырубил любившую распускать руки училку. Вышел страшный скандал, но его быстренько замяли. Ко мне Дока относился хорошо, и когда я дрался один на один за школой на баскетбольной площадке, он всегда был на моей стороне.

Дока, может, был Марадоной в футболе, но в пинг-понг он играл из рук вон плохо. Я несколько раз обыграл его, когда в зал спустились Тити Бале, Марик и Рома — король нашей школы да и всего района. По всему было видно, что практикант и король хотели сразиться, но стол был занят. Доку трогать было опасно, он был непредсказуем, и потому Тити Бале начал с меня, спросил, почему я не на уроке. Доке надоело проигрывать, он бросил ракетку на стол и умотал из зала. Практикант встал на его

¹ Нокаутёр (осет.).

место и, нахмурившись, спросил: ты еще тут, давай вали отсюда, пока я не забил шарик в твой маленький вонючий зад! Я даже ответить не успел, как в меня полетела ракетка, едва увернулся, и в свою очередь швырнул свою в практиканта. Попал в него и в восторге от своей дерзости выбежал из зала, Жопа за мной. Я думал, он отстанет на улице, но нет: Тити Бале гнался за мной от школы до моего дома, и тут облом: на калитке висел замок, родители в это время были на работе. До последнего своего вздоха буду помнить, как Тити Бале бил меня, ученика седьмого класса, ногами колотил, скотина, об забор швырял, мразь! Как же мне хотелось, чтобы отец оказался дома вместе со своим приятелем и собутыльником Серафимом, легендой нашего города.

Мне всегда хотелось рассказать о нем: как-то в базарный день раздувшаяся после весенних ливней Лиахва принесла к шлюзам под старым мостом поросят и закружила в водовороте. Серафим взобрался на перила и как был, в одежде, прыгнул в бурлящую реку, выловил хрюшек, выплыл с ними на берег и вернул живность хозяину — грузину из Хеуити. Тот расчувствовался и подарил одного поросенка спасателю. Легенды в нашем городе живут недолго, Серафима пырнул ножом какой-то блатной в кинотеатре «Фидиуаг». Помню, как его несли на Згудерское кладбище, меня поразили серое лицо Серафима и черные, сложенные на груди руки. Челюсть его была подвязана бинтом. Народу за гробом шла тьма, и все плакали.

Мама моя тоже ревела, хотя она терпеть не могла покойного, считала, что он дурно влиял на отца, чуть ли не спаивал его. Серафима, впрочем, такое отношение к нему мамы не смущало. Он приходил к нам в гости с кульком шоколадных конфет и, пока мать накрывала на стол, неспешно беседовал с отцом на крыльце. Пользуясь моментом, пока все заняты, я тут же принимался набивать карманы «Ласточками» в голубых обертках. Но, бывало, попадался, — Джулия, моя старшая сестра, хватала меня за руку и грозила поднять шум, если не поделюсь с ней. Она страсть как не любила попойки у нас дома и сваливала, как только отец и гость усаживались за стол. А я ликовал: Серафим сажал меня на колено, гладил по голове, шутил и, сглатывая слюну, ждал, когда батя наполнит стаканы красным вином. Тогда он ставил меня на пол, поднимался со стула, произносил тост за прекрасную хозяйку дома, выпивал и закусывал. Умел он красиво сказать, такого красноречия еще поискать надо было! Довольный эффектом, Серафим закуривал, стряхивая пепел в черную с отбитым бортом пепельницу.

Мама, кусая губы, с фальшивой улыбкой благодарила сидевшего у нее в печенках гостя, зато я хвастал всем, что Серафим мой родственник, и, завидев его в городе, бежал к нему со всех ног кланяться деньгами на кино и мороженое. Он никогда не отказывал в бабках, только спрашивал: как дела в школе, тебя там не обижают? Я мотал головой, он давал рубль, реже мелочь и говорил, чтобы я вел себя хорошо и не позорил его седины, это у него была такая шутка. Батя мой, конечно, не такой лихой, каким был Серафим, совсем наоборот, он тихий и немногословный. Смолит как паровоз, отчего усы и пальцы желтые от никотина. И тем не менее папа высокий и сильный, не то что я, коротышка. Я бы посмотрел на драку отца с Тити Бале, батя, наверное, сжевал бы его, не говоря уже о Серафиме, но к тому времени тот был на кладбище.

Зара Захаровна, ты даже не представляешь, как меня возбуждают твои ушки в сверкающих бриллиантах. Так бы и лизал сначала правое, потом левое, покусывая мочки, обсосал бы оба, сжимая твои упругие ягодицы, увлажняя твою розовую, скрытую в кустах раковину соком любви. Эх я завернул, но это всего лишь мечты влюбленного в свою училку восьмиклассника.

Сразу так о клубничном поле не напишешь, сначала я поведаю о своем тяжелом цхинвальском детстве и не менее трудном отрочестве. Ты бы прикрыла свои уши, Зара, иначе оглохнешь от моего крика: отстой быть самым маленьким в классе, просто невыносимо! Девчонки не хотят с тобой иметь дела, предпочитая рослых тупых

лузеров, практиканты пытаются забить до смерти. А учителя мало того что ставят двойки, колотят и унижают тебя, вызывают родителей в школу, настраивают их против собственного ребенка.

Как-то вечером в сильный снегопад мама пошла на это гнусное собрание, а я, волнуясь, поджидал ее у школы. Я воображал, что скажет обо мне классная: сыночек твой, будь он проклят, все время прогуливает; не учит уроки, получает двойки, дерется с мальчишками, глумится над девочками, таскает бедняжек за косички, хорошо, бог не дал ему роста, иначе от него житья не было бы! Мама, конечно, за словом в карман не полезет, будет защищать меня до последнего, может, даже начнет передразнивать классную, пока у той не начнется истерика. Мама, вообще, комик, переодевается иногда в папину одежду и с наклеенными усами прохаживается по улице, дымя сигаретой. Соседки на лавочках сначала пялятся на нее, гадая, откуда взялся этот мужичок, а мама подсядет к ним и будет смолить, пока не прыснет от смеха.

Время шло, мама все не появлялась, вокруг зажглись фонари. Я подреб к ближайшему столбу, вскинул голову и стал смотреть на лампочку со шляпкой и густой вуалью из снежинок. Хлопья, как сказочные феи, кружились надо мной и с едва слышным шелестом ложились на землю, деревья, крыши домов. Веки мои отяжелели, губы расплылись в счастливой улыбке, душа погрузилась в какую-то сказочную новогоднюю сказку. Я, пожалуй, остался бы возле школы до утра, если бы не суровый голос мамы: ты чего тут стоишь, как снеговик, ну-ка пошли домой, расскажу твоему отцу, что ты вытворяешь в классе. В другое время я на коленях ползал бы перед ней, умоляя не говорить папе про двойки и плохое поведение. Но сказочный вечер не отпускал меня, хруст под ногами превратился в волшебную музыку, и я удрал.

Я решил не идти домой совсем и, спустившись к реке возле мусорной свалки, упал на мягкий сугроб у кромки льда. На противоположном берегу на скотобойне горел свет, должно быть, мясники забивали скотину к Новому году. Значит, в магазинах скоро появятся очереди за мясом, родители, пожалуй, тоже будут рады отхватить по талонам несколько кило говядины, хотя у нас в сарае живет откормленный боров. Родители купили его осенью еще поросенком, очень забавным и любопытным. Дня через три отец вместе с соседом оскопили его, потом за дело взялась мама и стала кормить борова комбикормом, радуясь, как он растет и толстеет. Раньше мне казалось диким резать живность, к которой привязываешься, но с годами я привык и, бывало, даже помогал отцу.

Я только пошел в школу, когда умер старый Кола, он, как и Уаничка, называл меня Петровичем из-за моего деда Петро, белогвардейца. Возле двухэтажного большого дома Колы собрался народ, ворота были распахнуты, я вбежал в сад и увидел привязанного к цветущему дереву огромного черного быка с печальными глазами. Подойти близко к нему и погладить я не решался, да и мама, мывшая с другими тетками большой, черный от копоти котел, сказала, что нельзя прикасаться к «жертвенному» животному. Его зарежут, спросил я, чувствуя, как тошнота подступает к глотке, а почва уходит из-под ног. Да он у тебя весь бледный, охнула соседка и плеснула мне в лицо водой из кружки. Мама прижала к себе, погладила по волосам, поцеловала и спросила: ну как ты? Да в порядке, отпусти, не позорь меня, я уже не маленький! Ох и напугал же ты меня, сынок, беги-ка лучше домой и присмотри за мелким, приходи, когда накроют столы. К быку между тем подошли соседи, отвязали и повели его к берегу реки. Он шел с ними, сильный, покорный, помахивая хвостом, зная наверняка, куда и зачем его ведут. Я плохо помню, как зарезали быка, но в памяти остался седовласый забойщик, как две капли похожий на председателя колхоза из какого-то дурацкого фильма. Он точил ножи, отдавая указания другим, и те молча, заглядывая в глаза «убийце», исполняли его приказы.

Я бы заночевал на берегу, если бы не родители, отыскавшие меня по следам и обломавшие весь кайф. Даже покурить не дали, пришлось избавляться от целой пачки

мятных сигарет. Мама рассказала о моих «успехах» в школе, и отец запретил выходить на улицу, пока не исправлю двойки. Я дал честное пионерское, что буду учиться на пятерки и четверки. Садился за учебники и мучился не меньше депутата на съезде, засыпавшего под бормотанье дорогого Леонида Ильича. Говорили, что в кремлевском зале по рядам ходили специально обученные люди с шилом и незаметно кололи в бок закемаривших Героев Социалистического Труда. Героев войны к тому времени всех расстреляли или сослали на Колыму, во всяком случае, так сказал Серафим. И вообще, в нашем городе на всех, кто верил в светлое будущее коммунизма, смотрели как на сумасшедших. Да лучше быть бомжом в Америке, чем передовым работником здесь, орали в хинкальных и пивнушках захмелевшие дядьки. Отслужившие в армии парни по вечерам приходили на берег реки с удочками и радиоприемниками. До самого утра они слушали «Голос Америки», пили пиво и мечтали свалить в США. Евреи потихоньку уезжали в Израиль, первым на такой отчаянный шаг решился всеми любимый в городе Арон. Он был продавец продуктового магазина, о его честности ходили легенды. Горожане уговаривали остаться, чуть ли не умоляли, но он был непреклонен.

Я впал в черную депрессию и страдал, но не потому, что верил или не верил в светлое будущее, просто я обнаружил на спине горб, как у верблюда — корабля пустыни. Горб был еще маленький, размером с дикую незрелую грушу, так просто его не заметишь. Но он ведь будет расти, думал я с тоской, вертясь у зеркала, и к окончанию школы его нельзя будет скрыть одеждой. Так не лучше ли покончить со всем этим и прыгнуть со старого моста, но не за поросятами, как Серафим, а за смертью? Я избегал смотреть на острые предметы: потел от желания перерезать себе глотку отцовской бритвой или упасть животом на большой нож, которым батя закалывал козу под Новый год. А как-то я пришел в огород с топором, положил на пень тутовника руку и хотел отрубить ее по локоть, но помешала следившая за мной соседка. Она позвала маму и мне потом пришлось объяснять им обоим, что я пошутил.

Спас меня от суицида мой тренер по греко-римской борьбе. Он говорил, что для своего веса я необыкновенно хорош: ловкий, сильный, гибкий, хлесткий, резкий! Тебя практически нельзя положить на лопатки, сынок, потому что тело твое как из резины, у тебя отлично получается суплекс, ты мастер этого невероятно красивого броска! Это льстило моему самолюбию, и в схватках на ковре я рвал своих соперников. Другое дело школа: я не любил ходить на уроки физкультуры, а физрука, постоянно свистевшего в свой дурацкий свисток, ненавидел. Как-то он со всей силы кинул мне в лицо тяжелым мячом, и я чуть не потерял сознание. Терпеть не могу играть в баскетбол и волейбол, но больше всего мне не нравилось стоять последним в шеренге мальчиков под хихиканье моих врагов, рослых и грозных на вид. Правда, злорадствовали они недолго, после занятий я разбирался с каждым на баскетбольной площадке за школой.

Сколько бы тренер по греко-римской борьбе ни хвалил мои способности, но, оставшись один на один с собой, я щупал левой рукой выпирающую на спине, как костлявый подбородок колдуна, левую же лопатку и впадал в отчаяние. Я уже не сомневался в том, что буду маленький, скрюченный, силы мои все уйдут в уродский горб и надо мной будет потешаться детвора, как над лилипутом Исмелом. Это выводило из себя, я становился злобным, бил и запугивал своих сверстников, над самыми безвольными нещадно издевался. Но как-то летом один из таких — Денис, безропотно сносивший мои садистские выходки и колотушки, восстал и вместе со своим младшим братом набросился на меня на берегу Лиахвы. Самое обидное в этой потасовке было то, что ребята все, от мала до велика, болели за братьев, меня никто не поддержал. Тем не менее дрался я достойно, бил Дениса со всей силы, аж кожа на кулаках лопалась, тот не оставался в долгу. Мелкий вцепился мне в бедро, кусался и орал, что пришел час расплаты. Я отпихивал его свободной ногой, но махаться с двумя

было тяжело, и в конце концов я рухнул на песок под радостные крики зрителей. Впрочем, это была борцовская хитрость: в партере я чувствовал себя как рыба в воде. За две секунды я поборол и положил на лопатки своего противника и стал долбить ему в морду лбом. Мелкого я лягнул, и он, отлетев от места битвы, скулил где-то на камнях. Я уже праздновал про себя победу, как вдруг кто-то из взрослых перевернул нас, и я оказался лежащим на спине. Выбраться из-под своего соперника мне ничего не стоило, но от обиды, что все против, я заплакал, нас разняли и присудили победу Денису. После этого я перестал выходить на улицу и целыми днями валялся на кровати, читая книжки. Особенно мне нравилась повесть Толстого «Хаджи Мурат».

«Когда мы подъехали к лагерю, Гамзат ввел хана в палатку. А я стрелять. Я подбежал к палатке, Умма-Хан лежал ничком в луже крови, а Абунунцал бился с мюридами. Половина лица у него была отрублена и висела. Он захватил ее одной рукой, а другой рубил кинжалом всех, кто подходил к нему. При мне он срубил брата Гамзата и навернулся уже на другого, но тут мюриды стали стрелять в него, и он упал».

Хаджи Мурат стал моим кумиром, я даже стал прихрамывать, как наиб Шамиля, выбирался по вечерам на улицу в надежде поймать Дениса и отделать его как бог черепахи. Но тот был начеку и, завидев меня, давал стрекача, даже камни не догоняли его, зайца. В конце мая отец уехал в Северную Осетию, вернулся оттуда через месяц и объявил, что купил дом во Владикавказе. К тому времени я перессорился со всеми своими друзьями, и мне не терпелось свалить из Цхинвала, пока не прикончил кого-нибудь из самодельного пистолета. Мама тоже радовалась, что уедем подальше от тети Лубы, та совсем спятила: била нам стекла в окнах, грозила подсыпать мышьяк в продукты и воду. Мама уже решила поставить забор в том месте, где дом делился на две части. Но потом они помирились, замесили тесто из кукурузной муки, порезали сыр, достали из кувшина желтое топленое масло, вытащили во двор дровяную печку, затопили ее и стали печь цади.

Впрочем, на моей памяти был миллион таких перемирий, но все они заканчивались войной.

Хорошо, что ты вышла замуж, Зара Захаровна, а не осталась старой девой, как наша Луба. Она ведь тоже училка, только преподает свою физику в высокогорном селе Цон. И представь себе, там в нее влюбился молодой тракторист, который был младше лет на двадцать. Парень только вернулся из армии, молодой, красивый, все девчонки в селе сходили по нему с ума, а он влюбился в сорокалетнюю. Другая бы на месте моей тетки сразу же ухватилась за возможность выскочить замуж, но только не Луба. При мысли о том, что она будет женой какой-то деревенщины без высшего образования, тетка, по словам моей мамы, заламывала руки, проклинала свое появление на свет или швыряла посуду, которую собирала себе в приданое.

И тогда влюбленный приехал в Цхинвал, продал на базаре быков, коров — словом, все, что у него было, собрал денег, дал взятку ректору института и поступил на заочный. Счастливый, он вернулся обратно в свое родное село и заслал сватов к тетке, но она их вытолкала взащей, — во всяком случае, так говорила мама, — и парень затосковал. Он перестал есть, пить и надолго уходил в лес с ружьем. Настрелял лисиц, содрал с них шкуры, просушил как следует, принес Лубе пушнину, из которой можно было сшить несколько шуб. Но тетка прошла мимо дорогих мехов, задрал нос, словно королева.

Родные тракториста боялись, что он наложит на себя руки и хмуро посматривали на нашу Лубу, но ей было плевать. Она, если уж раскрывать семейные тайны, была влюблена в профессора из Тбилиси, который лечил меня в детстве. Тетка тогда ездила с нами в столицу и, по словам мамы, она как увидела тбилисского доктора, так сразу же и втюрилась в него.

Как-то весной во время посевных работ по селу пронесся слух, что красавец-тракторист оказался под гусеницами своей машины. Одни говорили, что он покончил

с собой из-за неразделенной любви, другие утверждали, что это был несчастный случай. Как бы там ни было, бедняга был еще жив и умолял родных позвать к нему Лубу. Желание умирающего священо, и пришлось его родичам топтать к дому, где жила моя тетка, и стучаться в ее дверь. Та заперлась и плевала в форточку, но, узнав в чем дело, выскочила из дома и, рыдая, помчалась к умирающему. Она ворвалась в комнату, где несчастный лежал на смертном одре, и тот, увидев ее, улыбнулся, взял возлюбленную за руку и, счастливый, испустил дух. Тетка, по словам мамы, шла за гробом в трауре, будто она была его женой или невестой.

Кстати, над кроватью Лубы до сих пор висит шкура чернобурой лисицы, и я больше чем уверен, что она из коллекции влюбленного тракториста.

Отец, мастер разочаровывать, сказал, что в новый дом мы переберемся не раньше сентября. Что-что, — глаза моей старшей сестры округлились. Хозяйева поставили такое условие, папаша закурил свою дешевую сигарету, зато нам достался целый особняк за копейки, у каждого из вас будет своя комната, по крайней мере, не будете мешать друг другу. Я чуть себе палец не откусил от возмущения: сейчас только начало июля, что я буду делать здесь два месяца в окружении врагов?! Что это с ним, — отец взглянул на маму. Ох не знаю, с ума сходит, целыми днями сидит дома, портит себе зрение; на улицу выходит только по ночам с этим своим самодельным пистолетом, соседскую собаку застрелил, повесил на айве кота! Мама, он сожрал целое гнездо кукушат, эта тварь заслужила смерть! У кукушек не бывает гнезда, придурок, заявила Джулия, скажи лучше, как поживает твой горб?

Скинув с себя майку, я повернулся спиной к семье, для вящего эффекта напряг свои мышцы, как культурист, и вышел на середину комнаты: у меня нет горба, я тебе не верблюд из зоопарка, ясно? Так и не было никакого горба, болван. Джулия подхватила на руки младшего брата и звонко чмокнула карапуза в пухлую щечку. Я тебе все время говорила, но ты ведь не умеешь слушать, целыми днями торчит у зеркала, то так выгнется, то этак, я уже думала, у него кукуха поехала!

Оставь, не дразни его, мама устало махнула рукой и продолжила жаловаться: сын наш перестал есть, боится, что Луба подсыплет отраву в еду (вранье, на самом деле мы с теткой прекрасно ладили), стонет во сне, заberi его с собой во Владикавказ, сделай милость. Отец кивнул: ладно, поедешь со мной, сынок, поживем у тети Анны, помнишь ее?

Еще бы не помнить, даже не верится, что такая красивая блондинка, распространяющая вокруг себя свет и уют, приходилась двоюродной сестрой моему мрачному отцу. Гриша, ее муж, тоже очень добрый и щедрый человек, хотя по лицу не скажешь, фейс у него — как у сурового римского легионера. А силищи в нем столько, что ребром ладони он рубит кирпичи и плоские камни. Нагибаться ему, правда, трудно из-за невероятно большого пуза, он будто тройню носит в животе, смотреть страшно. В позапрошлом году, в зимние каникулы, мы с отцом гостили в их уютном доме возле электроподстанции. Тетя Анна постоянно тискала меня и спрашивала: не хочешь остаться? Будешь нам с Гришей сыном, а Залинке братом, соглашайся, малыш, мы уже и с отцом твоим переговорили, он не против. Берите-берите, кивал отец с усмешкой, я вам еще денег подкину, только избавьте меня от этого щенка. Потом на меня налетала Залина, обнимала и шептала в ухо: не дури, Тамик, оставайся, женим тебя на Жанке, ой-ой, поглядите-ка на него, покраснел, ты же сам говорил, что она тебе нравится. Скажу тебе по секрету, братик: ты ей тоже приглянулся, так что не упрямясь.

Мне, конечно, было приятно слушать троюродную сестру, но я чувствовал, что она шутит, так же как и ее мама. Никто не собирался оставлять меня во Владикавказе, даже если бы мне самому очень сильно захотелось. Другое дело соседка и подружка Залины, Жанна, в нее я был точно влюблен, и она тоже смотрела на меня с какой-то загадочной улыбкой, хотя была старше и выше.

Ну да, сейчас возраст, рост и прочая фигня перестали волновать меня, к тому же за последние полгода я подросток. И после купания в речке я уже не бегал тайком отжимать мокрые плавки в кусты, а делал это на виду у всех, пускай все завидуют зарослям вокруг моего скукожившегося от воды члена. Я уже и Зуру не боялся, хотя раньше он внушал мне ужас.

Сумасшедший Зура был заметной фигурой в нашем районе. Видал я двинутых, но такого надо еще поискать. На людей кидался, собаки и те при виде Зуры останавливались и, подняв морды, принюхивались, как будто хотели определить градус исходившей от него опасности. Потом уже дворняга решала, повернуть ей обратно или рискнуть промчаться мимо поджидающего ее с камнями сумасшедшего. Зура и со змеей сражался, не с каким-то там жалким желтоухим ужом, а с настоящей кавказской гадюкой. На малом мосту они бились в окружении толпы зевак, благоговейно шептавших, что Зура укушен и вот-вот отдаст концы, если не вызвать «скорую». Но тому было пофиг, он был пьян, как всегда, кепка слетела с него и валялась на земле возле змеи, которую он колотил палкой. Гадюка, поняв, что ей не уйти, до последнего кидалась на своего врага, а, когда издохла, сумасшедший Зура поднял ее высоко над собой, как рыцарь голову отрубленного дракона.

Он, кстати, и стариков своих поколачивал, и мне было дико жаль их, ведь он неродной был, приемыш, привезли его из Баку и усыновили на свою голову. И точно, он был похож на торгующих у нас на базаре азербайджанцев. Жил Зура в красивом двухэтажном особняке своих приемных родителей. А в саду у них за грецким орехом и черной шелковицей водилась невероятно вкусная черешня, на которую однажды ночью мы залезли целой бандой.

Рома, подбивший нас на это дело, вскарабкался на еще не тронутую верхушку, прочие, к коим относился и я, расположились на нижних ветках. Я, мелкий, сразу же набил себе брюхо спелыми ягодами и уже стал ломать тяжелые ветки для сестры и братика, как вдруг в доме зажегся свет. Видно, Зура услышал, как мы обдирали его дерево, и выбежал в сад с фонарем, при этом матерился по дороге так, что мне стало жаль мою бедную матушку. Раз он ойкнул, фонарь в его руке погас, и наступила тишина. Рома наверху предположил, что сумасшедший, скорей всего, напоролся на косу и сдох, да не тут-то было. Зура взвыл от боли и стал с кем-то драться. Оказалось, он чуть не выколол себе глаз торчащим сучком шелковицы, отколол ее и обещал срубить утром. Добравшись до черешни, он остановился и стал прочесывать крону пучком света. Мы все притихли, каждый прятался как мог, Марик даже отгонял от себя луч, — словом, никому не хотелось светиться, кроме глухонемого Бехе. Этот как ни в чем не бывало продолжал обжираться, чавкал, а косточки сплевывал вниз, и они падали на голову бесновавшегося Зуры. Тот совсем уже съехал с катушек и убежал в сарай вместе со своим треклятым фонарем, хотя луна уже вышла из-за туч и освещала сад так, что только слепой нас не разглядел бы. Вернулся он оттуда с топором и принялся рубить под нами дерево: вот я вас сейчас покромсаю на мелкие кусочки! Я чуть не обделался от страха, может, даже слегка припустил в штаны. Конечно, о таких вещах лучше помалкивать, но я уверен, что в ту ночь многие обделались, кроме глухонемого Бехе, до которого еще не дошло, во что мы вляпались. У него, кстати, обоняние как у собаки, он сразу почувствовал запах дерьма и стал принюхиваться, подозрительно поглядывая в мою сторону.

Ребята на ветках стали роптать, что Рома ничего не предпринимает и пора его менять. Он услышал это и крикнул:

— Эй, Зура, сейчас я спущусь, мать твою, и надеру тебе зад!

— Давай-давай, я тебя жду!

Зура сорвал себе голос и говорил уже шепотом, слушать в темноте такое было во сто крат страшней, чем если бы он по-прежнему орал. Мне показалось, что так говорят убийцы, прежде чем расчленив человека. Вдруг дерево надо мной

закачалось — это Рома, хватаясь за ветки, с шумом и треском, словно горилла, спускался на землю. Зура погнался за ним с топором, и мы, воспользовавшись этим, посыпались с дерева и разлетелись кто куда.

Еще я бросил заниматься греко-римской борьбой, чем дико разозлил своего доброго тренера. Он сказал, что это чистой воды предательство и отнял мои борцовки и трико, которые я честно выиграл на соревнованиях. Ну да хер с ними, пусть подавятся, я перешел в дзюдо, потому что влюбился в этот вид спорта.

II

Через неделю после семейного совета мы с отцом пришли на цхинвальский автовокзал, сели в автобус до Владикавказа и после долгого ожидания тронулись в путь. Водителей было двое, за руль сел краснощекий толстяк в темной футболке. Сменщик его, сухой, с тонкими усиками над не менее тонкой верхней губой грузин устроился на тумбе у передней пассажирской двери, читал книжку и непрерывно курил. Одет он был в серый пиджак и новые темно-синие «вранглеры» — выглядел он круто, сразу видно: столичная штучка. К такому подойти и попросить остановиться возле кустов было страшновато. Но ничего не поделаешь, утром перед дорогой я выпил несколько кружек перебродившего домашнего пива, и теперь его надо было слить. Я пробрался вперед и, пока набирался смелости сказать о своей проблеме, сменщик в крутых джинсах сам обернулся ко мне и спросил: у тебя все хорошо, бичо? Я отрицательно мотнул головой. Хочешь по-большому или по-маленькому? Сейчас еще спросит, какого размера у меня член, подумал я с досадой. Пять минут можешь потерпеть? Могу и десять. Отлично, как тебя зовут, бичо? Таме. А что у тебя с рукой? Да так, ничего.

Не хотелось рассказывать про разборки с Ромой. Помимо того, что этот гондон избил меня без всякой причины, он еще и за сестрой моей подглядывал, когда та мылась на заднем дворе нашего дома. Узнал я об этом от его ближайшего друга Марика, будь он проклят! Втравил меня в такую историю, не сразу, правда, дошло, о чем он гундел, но когда допер, я сразу же вспомнил про свой самодельный пистолет, больше напоминающий чугунную пушку. Где прячется Рома, когда пялится на Джулию, спросил я Марика. За деревянным забором, только не сдавай меня. Само собой, сказал я, считай я твой должник, отплачу, как появится возможность. Слушай, Марик, раз такое дело, давай я угощу тебя блинчиками, вкусные, с пылу с жару, мать напекла целую горку, а? Нет, спасибо, стукач приложил руки к своей подлой груди. Я серьезно, подожди меня тут, возле калитки, я принесу тебе их на блюдечке, ну хоть попробуй. Нет, правда, я только что с грузинской свадьбы, у них там черная икра была, так я ее ложками жрал, объелся. Круто, тебя, небось, сейчас мучает жажда, знаешь, мать как раз пива наварила, выпьешь кружку холодного? Таме, спасибо, но грех мешать хорошее вино с чем-то еще. Ладно, я пожал плечами, типа больше ничем пока отблагодарить не могу, но если бы Марик согласился попить, я подсыпал бы в пиво столько пургена, что он неделю не вылезал бы из туалета, может, даже сдох бы. Уходя, Марик обернулся и спросил: что ты с ним будешь делать? С кем, с Ромой? Ну да, речь ведь о нем. Натяну ему глаза на жопу! Марик кивнул и свалил, а я пропустил в калитку Джулию с тяжелыми ведрами. Она тащила воду от соседей, своего водопроводного крана у нас не было, участок с колодцем отец отдал влиятельным соседям, взамен они устроили сестрицу в Северо-Осетинский государственный университет...

Как-то мама повела меня в кинотеатр «Фидиуаг», тот самый, где зарезали Серафима. Она купила билеты на «Ромео и Джульетту», и хотя зал был пустой, но мы все равно сели на свои места. Свет погас, я стал смотреть на экран, надеясь увидеть драку, как в «Картуше» с Бельмондо, но ничего и близко не было. Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте, я бы сказал по-другому: нет

повести скучнее. Я был страшно разочарован и сбежал бы, но в начале сеанса какой-то пьяный тип приставал к моей маме, и мне пришлось остаться, чтобы защитить ее честь. Алкаш вскоре свалил, я успокоился и уже клевал носом, когда до моего слуха донесся звон металла, крики и топот ног. Я вскинул голову и стал смотреть, как Тибальт и Ромео дерутся на шпагах из-за бедняги Меркуцио, смерть которого потрясла меня, согнав сон. Мне казалось, что они бьются по-настоящему, такую пыль они подняли во время поединка. Я страшно переживал за обоих, а когда Тибальт напоролся на шпагу Ромео и, мертвый, свалился на землю, меня вырвало.

С таким же чувством я заряжал свой самодельный пистолет, то есть готовился к убийству. От волнения я всыпал в дуло слишком много пороха, мелко нарубленных гвоздей и дроби, половину того заряда хватило бы, чтобы проделать в груди Ромы дыру размером с айву. Я решил спрятаться за грудой старого битого кирпича в нескольких шагах от деревянного, увитого хмелем забора. В длину он был метров пять, дальше участок наш от соседской земли отделяла проволочная ограда. Джулия, ничего не подозревая, сняла с себя одежду и начала мыться. Я положил перед собой пистолет и топор. Время тянулось удивительно медленно, сердце гулко отстукивало удары, солнце палило вовсю. Я уже думал, что Марик наврал, и обрадовался возможности сложить оружие с сознанием выполненного долга, как вдруг услышал за деревянным забором хруст шагов. Разум в ту же секунду покинул меня, я вскочил и что есть силы швырнул топор, и он, пробив гнилые доски забора, влетел к соседям, вспугнув подглядывающего, словно дикого зверя. Он выбежал из укрытия, в тулупе и резиновых сапогах, с надвинутой на лицо лыжной шапочкой с прорезанными дырками для глаз. Не сдай его Марик, я никогда не узнал бы, кто пялился на Джулию в щель забора. Схватив пистолет, я кинулся к Роме, тот заметил меня и рванул к воротам соседей, собираясь перемахнуть через них. Между нами была проволочная сетка и семь-восемь шагов расстояния. Я боялся промазать, поэтому выстрелил в него в упор, и ствол взорвался у меня в руке. Больно было так, словно оторвало все запястье, хорошо глаза и лицо остались целы, зато я увидел черные пятки врага и закричал ему вслед: я все равно достану тебя, мать твою! Скажи спасибо Марику за то, что сдал тебя! Ты в курсе, что он трахнул твою сестру и заразился от нее триппером?! Заставь теперь его жениться на ней, убудодок!

Я еще много чего кричал, грязно ругался, просто атас до чего я взбесился от боли и вида собственной крови. На шум прибежала Джулия в кокетливом просвечивающем халатике. Это всё из-за тебя, шлюха, заорал я, хотел ударить ее кровотокающей рукой, она увернулась, я потерял равновесие, упал и чуть не сломал себе шею о пень туютника, на котором рубил гвозди для заряда.

— По-грузински говоришь? — спросил щеголь-сменщик.

— Немного, — сказал я как можно небрежней.

— Нехорошо, живешь на грузинской земле, а языка не учишь.

— Ладно-ладно, остановите автобус или я сейчас обоссу вам лобовое стекло!

По правде говоря, я ужасно боюсь ездить по Военно-грузинской дороге, а на Крестовом перевале, где трасса сужается до размера игольного ушка, на меня нападает трясушка. Я покрываюсь холодным потом, но вместо того, чтобы задернуть грязную занавеску на окне автобуса, откидываю ее и смотрю в глубокую страшную пропасть.

В позапрошлом году мы с отцом возвращались в Цхинвал по этой же дороге на комфортабельном ЛАЗе. Убаюканный ездой, я сонно смотрел в окно на мелькающие мимо деревья с согнувшимися от тяжести снега ветками, голова как срезанная падала на грудь. Слишком рано подняли меня с постели и посадили за стол перекусить. Передо мной на тарелке были разогретые на сковородке куски пирога. Тетя Анна металась по кухне и торопила меня: кушай, сынок, Казбек и Гриша ждут тебя в машине. Я свалился со стула. Меня, сонного, запихнули в кабину грузовика дяди Гриши, и он погнал машину к автовокзалу. С одной стороны, было грустно расставаться

с ними, с другой, я радовался, что приеду домой к маме, сестре и братишке. В Цхинвале, должно быть, тоже навалило снега по горло, обожаю кататься на коньках, цепляться за машины вместе с толпой визжащих от восторга ребят, играть в хоккей на замерзшем пруду парка.

Как ни крути, Казбек, говорил дядя Гриша, переключая скорость, но мы с тобой родня, жалко, у нас с Анной нет сына, но Тамик стал нам родным. Залина не сегодня завтра выйдет замуж, покинет родительское гнездо. Скупой на слова отец мычал в ответ и курил свои крепкие сигареты. Я серьезно, Казбек, продолжал Гриша, скоро получим квартиру, очередь на машину тоже подошла, и кому я все это оставляю? зятю? Тамик, какая марка «Жигулей» тебе нравится, чего молчишь, не проснулся еще? Нет, спит, вздохнул отец. Знаешь что, Казбек, а продавайте-ка свой дом в Цхинвале и перебирайтесь сюда насовсем всей семьей. Я давно подумываю об этом, сказал папаша.

Я слушал разговор сквозь дрему, на душе было светло, сказать, что меня мучила совесть, оттого что я спер у Гриши кнопочный нож и пару пачек импортных сигарет, было бы неверно. Трофеи лежали во внутреннем кармане моего полосатого коричневого пальто. Отец разбудил меня на автовокзале, там мы пересели в ЛАЗ с высокими спинками кресел. В автобусе я сонными глазами лениво разглядывал пассажиров, вялая надежда познакомиться с какой-нибудь девчонкой таяла, как снежок на трассе под колесами машин. Я начал клевать носом и в конце концов отрубился. Проснулся от шума, в салоне все орало на водителя, собиравшегося развернуть автобус. Тот в свою очередь кричал, что ехать сейчас по перевалу верная смерть, и он ни за чью жизнь не ручается: вам жить, что ли, надоело? Видите, сколько снега навалило, а на Крестовом его будет в два раза больше! Ну ладно я, мне пятьдесят пять, как говорится, пожил, а мальчик вон, на девочку посмотрите, уснула, бедняжка, на коленях мамы — что эти бедные дети видели в жизни?

Несколько подвыпивших южан с бандитскими рожами и внушительными кулаками рвались побить доброго извозчика-северянина, другие урезонивали их. Шоферу было плевать на тех и других, он действительно не за себя пекся, не за свой зад, а за тех, кто был в его автобусе, — во всяком случае, фальши в его голосе я не слышал. Он смолк, словно задумался, народ тоже затих, и около часа мы ехали молча, потом он остановил свой ЛАЗ и велел выметаться всем из салона. Опасный участок, сказал северянин, прогуляйтесь немного пешком, если желаете попасть в свои дома живыми. Он открыл маленькую дверцу слева, и до меня дошло, зачем он это сделал: если откажут тормоза и автобус понесет к краю пропасти, ему будет легче выпрыгнуть. В моих глазах он был героем, я бы хотел иметь такого отца, мой совсем никуда не годится.

Хотя было время, когда он казался мне богом, но его никогда не было рядом, он все время пропадал в России на заработках. Я тосковал по нему, плакал и просил маму послать отцу срочную телеграмму, чтобы он вернулся домой на собственной машине, как обещал. О чем ты говоришь, сынок, на что он купит автомобиль, мы еле концы с концами сводим! Мама, он обещал приехать на собственном «уазике», я рассказал об этом ребятам, и они издеваются надо мной, говорят, что у таких нищобродов, как мы, не может быть собственной машины! Они правы, сынок, не обращай на них внимания.

Легко сказать «не обращай внимания». Как-то вечером в сильный снегопад мы с мамой, сестрой и братишкой смотрели диафильм на стене нашей хибары. В углу гудела дровяная печка, в духовке пеклись вкусные цади, с улицы доносились громкие пьяные голоса. Мелкий, посасывая пустышку, уснул на руках у мамы, она уложила его в кроватку и, встревоженная, металась от печки к окошку, бормоча: что эти мажоры тут делают, что им нужно? Шли бы по своим домам, а то еще ребенка разбудят...

Вдруг дом задрожал, как будто на него упала бомба, входная, сколоченная из тонких досок дверь со страшным грохотом упала на Джулию, та закричала, и комнату, где мы смотрели диафильм, засыпало снегом, будто лавиной. Мама включила свет:

руки и лицо сестры были в крови, волосы слиплись, словно ей на голову вылили вино. Мама бросилась к братишке, я схватил топор и выскочил на улицу в носках. Трое взрослых парней, кинувших в наш дом огромный ком снега, смеясь, смотрели на меня, идущего на них с топором. Один из них, — толстый, рыжий, с нескрываемым презрением посоветовал мне сунуть топор в зад моей мамочке. Я плакал, ругался матом, обещал порубить их в капусту, когда подрасту: вам просто повезло, что моего папы нет дома! Другой, учившийся в военной академии, сказал, что они заруют моего вшивого отца вниз головой. От них несло вином, и они издевались над нашей бедной семьей. Мама тоже выбежала, и эти сволочи стали кидать в нее снежками, попали ей в лицо, она не ожидала и тоже заревела.

Зара Захаровна, я бы назвал имена этих ублюдков, но боюсь, что если мое сочинение опубликуют, то в тюрьму может загреметь и мой отец. Тем же летом он приехал из России, у них там случилась большая неприятность: кто-то из его бригады украл большую сумму денег совхоза, в котором они взялись строить коровник. Вор подался в бега, а батя остался без работы, и ему пришлось вернуться домой. Мама сразу же рассказала о том, что случилось зимой. Отец ничего не сказал и целыми днями только и делал, что пил вино с Серафимом, а после валялся на кушетке.

Недели через две после возвращения отца мама повздорила с соседкой — родительницей того парня, который учился в военной академии. Народ высыпал на улицу и слушал перепалку, обычное дело. Сам будущий офицер стоял возле своей мамаша, ел яблоко, а огрызок кинул в мою мамочку, попал ей в лицо и засмеялся. Та, заплакав, убежала в нашу хибару, а я схватил камни и стал бить стекла в окнах их большого каменного особняка. Это, конечно, сбilo их с толку, видно, они считали себя неприкосновенными. Мало того, появился мой отец, огромный, как циклоп, и, разъяренный, пошел прямо на твякающую соседку. Не знаю, что бы он сделал с ней и ее подлым сыном, если бы они не убежали к себе во двор, заперев на ключ железную калитку. На улице перед стеной их великолепного дворца были сложены большие, обшитые железными листами ящики с чем-то очень тяжелым внутри. Папаша схватил один, поднял над собой, ко всеобщему изумлению, и швырнул его через калитку во двор. За ним полетел второй, третий, четвертый... Последний был пустой, легкий, и батя стал колотить им в калитку. Муж соседки, которого все знали как дебошира, так и не вышел к моему батю.

После враги наши шептались, что его, мол, не было дома, иначе моему отцу был бы кирдык. Но я-то знаю, что он просто испугался и спрятался в своем глубоком подвале. От таких людей можно ожидать все что угодно.

Мы выбрались из теплого салона автобуса, только столетняя старушка осталась сидеть на своем месте. Шофер посмотрел на нее, ничего не сказал, врубил мотор и поехал. Снег валил не переставая, под ногами было скользко, и мы, поддерживая друг друга, двинулись за ЛАЗом, как похоронная процессия.

В тот раз все обошлось: водитель-северянин привез нас в Цхинвал невредимыми, и вот опять испытание. Сейчас надо было показать свою мужественность и презрение к опасности, потому что передо мной сидела изумительной красоты девочка. На ней было красное в горошек платье, белоснежные гольфы и импортные сандалии. Я хотел привлечь ее внимание, вытаскивал из своей спортивной сумки то кимоно, то книгу, но все мои фокусы остались без внимания. Ну конечно, на фиг такой шикарной девчонке сдался восьмиклассник в изношенных школьных брюках и рубашке, из которой давно вырос? Подошва на туфлях тоже прохудилась, они просили каши, хотя я берег туфли как мог, но тбилисская обувная фабрика выпускала редкостное дерьмо. Сколько раз мама относила мои башмаки в сапожную мастерскую в еврейском квартале. Мастера чинили как могли, но подошва все равно отдиралась, как обои на стене комнаты тети Лубы. Я умолял маму купить мне туфли на платформе, чтобы казаться выше, но она слушать ничего не хотела, потому что деньги все уходили на еду. Выручала тетя Луба,

получавшая неплохую зарплату за свое учительство в высокогорном селе. Она нажила много добра, но ради чего, вопрошала она, показывая на накрытую клеенкой гору дорогой посуды, которой хватило бы на несколько семей, у меня нет ни мужа ни детей, я проклята, боже, за что?

Одно время Луба хотела усыновить ребенка из приюта, потом плюнула и объявила меня своим наследником. В летние каникулы тетка возила меня с собой на море, только воли на отдыхе у меня было не больше, чем у раба на галерах. И все равно я полюбил Батум с его поющими фонтанами, пляжами, набитыми красивыми белокуроыми девчонками в бикини. Но больше всего мне нравилось заплывать за буйки и оттуда махать рукой встревоженной, как курица, тетке. Возвращались мы с моря загорелые, злые, почти не разговаривая друг с другом, со временем, однако, обиды забывались, и мы мирились. Обычно Луба звала меня на свою половину и спрашивала, какого черта я хожу в рваных кедах. Будто сама не знаешь, отвечал я хмуро, денег нет на новые туфли. Она вынимала из кошелька хрустящие красные червонцы, протягивала мне и говорила: дуй в «Детский мир», туда, говорят, завезли товар, может, тебе повезет, и ты купишь себе какие-нибудь югославские ботинки. Я прятал новенькие банкноты в карман, обнимал тетку и благодарил: спасибо тебе, родная, если бы не ты, я, наверное, ходил бы раздетый.

Перед отъездом во Владикавказ я зашел к Лубе попрощаться, она была не в восторге от нашего переезда, но, поворчав и всплакнув немного, дала мне пятьдесят рублей одной бумажкой...

На остановке в Пассанаури я все-таки решился подойти к красотке в гольфах, но ее расфуфыренная мамаша взглянула на меня с таким презрением, что я быстренько вернулся к отцу в столовую и съел две порции обжигającego харчо. Справив малую нужду в кустах, я поднялся в автобус, сел в кресло рядом с отцом, но никак не мог успокоиться — так меня распирало от обиды. Пассажиры, икая и переговариваясь, тоже устраивались на своих местах, водитель спросил: все ли здесь, никого не забыли? Да вроде все тут. Ну и хорошо, поехали. Автобус тронулся, я закрыл глаза и сделал вид, что сплю, на самом деле продолжал жевать свои сопли: если бы на мне были новые «вранглеры», «ли» или «монтаны», эта спесивая тетка взглянула бы на меня другими глазами; сама, может быть, предложила бы познакомиться со своей дочкой. И я твердо решил добиться успеха: буду тренироваться дважды в день и на следующих Олимпийских играх завоюю золотую медаль. Надеюсь, Луба тоже будет откладывать из своей зарплаты и накопит мне денег на квартиру в Тбилиси, «Жигули» последней модели и несколько пар американских джинсов. Я потрогал в кармане ставшую влажной пятидесятирублевую бумажку и вспомнил, как однажды Луба прибежала на нашу половину с таким видом, будто ее ужалила змея и надо срочно высасывать яд из ранки, иначе капут старой деве, и запричитала:

— Он пришел, боже, он все-таки явился, этот старый хромоый алкаш!

Мать стирала в тазике наше ветхое шмотьё, но, заметив свою старшую сестру, бросила это дело и, вытерев о фланелевый халат мыльные руки, сказала:

— Так ты же сама его и позвала. Замуж за него хотела, целый год о нем говорила, он услышал, не поленился и спустился с гор повидаться с тобой.

— Он же старый! — тетка начала рвать на себе волосы. — Ему уже пятьдесят три года! Как он вообще посмел мне сделать предложение, авзар фидиссаг куылых куыж!

— Ты тоже не молодуха, — мама снова принялась за стирку. — И, если уж на то пошло, ты старше его на пять лет.

— Теме, — тетка схватила меня за плечи и зашептала в ухо: — иди и посмотри на этого старого пьяницу, но так, чтоб он не заметил тебя, и если он понравится тебе, то так и быть, я выйду за него замуж!

¹ Никудышный хромоногий пёс (*осет.*).

Мне самому стало интересно, что за кретин посватался к моей сумасшедшей тетке. Я кинулся на ее половину и в замочную скважину зырил на сидящего у стола пузатого старика в шляпе и с палкой. На вид он был добрый дедок, и мне не хотелось, чтобы его прибила тетя Луба. Я вернулся, тетка схватила меня за плечи и, заглянув в глаза, потрянула:

— Ну что, как он тебе?

Мне было лет десять, может, одиннадцать, но я знал, как ответить:

— Фу, какой он старый и противный, ему место на кладбище, а он хочет жить в твоей комнате.

— Вот-вот, — тетка сунула мне трешку в руку и кинулась к себе.

Через минуту мимо нашей калитки, прихрамывая, пробежал взъерошенный жених. Мы все чуть животы не надорвали от смеха, хотя старичку, полагаю, было не до веселья.

Потом вспомнилась Маринка, гулявшая по городу, вырядившись во все красное, с зонтиком под цвет одежды. Толстая, с невероятно большой задницей, на голове вместо шляпы — обмотанный пунцовой материей горшок. Она давала за три рубля, и мы, подростки, бегали за ней, крича: Маринка, давай трахнемся, гляди, у нас есть деньги! Она оборачивалась и, смерив нас презрительным взглядом, тащила свой зад дальше. Иногда какой-нибудь забияка подбегал к Маринке, сбивал с нее «головной убор», и он с грохотом катился по мостовой. Я хоть и оказывался иногда в банде подростков, творивших беспредел, но мне не нравились такого рода забавы, особенно когда «посуду» подхватывал другой и писал в нее.

Одного такого я подстерег в большом парке и, пройдясь мимо него, нарочно толкнул подонка плечом. Он остановился и, обернувшись, удивленно спросил: ты чего, ослеп или зубы жмут? Я тоже развернулся, изобразил на своем лице радость: да это же ты, извини, брат, не узнал тебя, разбогатеешь. Я пошел к нему с таким видом, словно хотел обняться с ним, как с лучшим другом. Он расслабился и ждал меня с улыбкой, а я со всей силы въехал ему лбом в морду. Парень оказался крепыш, в другое время в честной драке он, наверное, сжевал бы меня и выплюнул. Но удар головой плюс еще левый прямой и правый боковой в лицо сбили его с толку, в итоге он оказался на земле и, сплевывая кровь, отбивался лежа.

Отец Маринки был ветеран войны, имел множество наград, кажется, у него была даже звезда Героя. Во всяком случае, в день празднования Девятого мая старика показывали по грузинскому телевидению с другими фронтовиками. В былые времена он занимал в нашем городе ответственные места, пока не вышел на пенсию. Маринка, говорят, в свое время тоже была красавица, работала в суде, и в нее влюбился какой-то женатый прокурор. Он преследовал красотку, пока та не пригрозила ему, что, если он и дальше будет приставать к невинной девушке, ей придется рассказать обо всем его жене. Но подлец был готов на все, лишь бы затащить Маринку в постель. Однажды на какой-то вечеринке прокурор подсыпал в бокал строптивой красавицы возбуждающее средство, переборщил с дозой, она выпила и сошла с ума. Не знаю, что случилось с этим прокурором, да и так ли было все на самом деле.

Маринка умерла. Когда мне сказали об этом, я не поверил и побежал к дому, где она жила. И до вечера проторчал напротив деревянного балкона, куда она обычно выходила покурить, разглядывая жаждущих «любви» мужиков. Выбрав кого-то, Маринка спрашивала, есть ли у него деньги расплатиться за секс. Счастливчик, обычно какая-нибудь деревенщина, продавший на базаре скотину, картошку, кукурузу, сыр или вино, показывал мятую зеленую бумажку. Маринка кивала: типа давай поднимайся. Избранник, от которого за версту несло навозом, бросал недокуренную сигарету и бежал к ней.

Когда мы шли с отцом на автовокзал, на старом мосту нам повстречался мужчина в женской одежде. Я частенько вижу его в городе, он высокий, стройный, с

длинными, распущенными, тронутыми сединой волосами. Иногда, впрочем, он повязывает голову платком, красивое лицо его всегда гладко выбрито.

Зара Захаровна, должен сказать, что сочинение это не попадет к тебе, так же как и предыдущие. Я решил опубликовать свои истории за границей, еще точно не знаю как, но, может, повезет и я поеду на соревнования в Австрию. Ходят слухи, что в Вене состоится чемпионат мира среди юношей: надежды, впрочем, попасть туда мало, но чего не бывает.

Как-то я выбрался в город, увидел у магазина Дениса, он меня тоже заметил и юркнул в парк. Я бросился за ним, мысль подраться с ним один на один, честно, без свидетелей не покидала меня ни на минуту. Я повесил дома на турник мешок с опилками, представлял, что это Денис, и молотил его руками и ногами. Ему очень повезло, что я не нашел его в парке, не выплеснул на него всю свою накопившуюся злость, я был как сосуд с запертым страшным джинном внутри. Очень скоро мне надоело искать в кустах Дениса. Я просто решил погулять в тени огромных тополей и возле пруда заметил чудика в женской одежде. Он сидел на лавочке с двумя женщинами, вокруг них собрались зеваки, я тоже подошел, увидел знакомого, тот приложил палец к губам и прошептал: прикинь, девки специально приехали из Тбилиси на «Волге» и хотят с ним трахнуться. А он что? Пока ломается, черт, у него точно не все дома, отказаться переспать с такими шикарными телками может только сумасшедший.

— Как зовут тебя? — спросила одна из женщин чудика. — Извини, я не расслышала.

— Галина, — ответил тот.

— Да брось, никакая ты не Галина, давай ты будешь Гарик.

— Называй как хочешь.

— Слушай, Гарик, не могу поверить, что ты не хочешь меня.

Гарик или Галина закурил сигарету без фильтра, по лицу его было видно, что он озадачен.

— Гляди сюда, Гарик, — сказала другая женщина. Она поднялась с лавочки, встала прямо перед ним и приподняла юбку. — Ну что, не встал?

Гарик отрицательно покачал головой. Женщина, сидевшая на скамейке, бесцеремонно пощупала у него между ног.

— Ну что, врет?

— Вяло как-то. Слушай, Гарик, а может, ты хочешь мужчину?

Чудик, бросив на нас всех взгляд, покраснел и ответил «нет». Смотреть дальше не было сил, я пошел драть в кусты. Когда вернулся, женщин и Гарика уже не было.

— А куда они подевались? — спросил я знакомого.

— Махнули в Тбилиси.

— И Гарик с ними?

— Конечно. Ты бы отказался покататься на «Волге» в обществе таких прекрасных сеньорит?

— Ну, я обычный. Галина — другое дело.

— Это точно.

Автобус поднимался вверх по серпантину, за рулем сидел щеголь-сменщик, и он был очень сосредоточен. Девчонка в гольфах уснула, разбросав свои длинные черные волосы. Они свисали со спинки сиденья, и я спокойно мог трогать их, даже нюхать, представляя уют, который создает хозяйка в своем наполненном светом доме. Впрочем, девчонка в гольфах могла быть неряхой, но как бы там ни было, мне хотелось взять ее за руку, выйти с ней из автобуса и прогуляться вдвоем по безумно красивому альпийскому лугу. Я достал из спортивной сумки тетрадку со стихами, прочел несколько и стал думать, какие бы ей подсунуть на прощание? Вот эти, пожалуй, подойдут:

Ты мне машешь руками, на берег зовёшь свой,
но забыла про круг, про спасательный грёбаный круг,
хоть ты видишь прекрасно, как я погружаюсь на дно
в двух шагах от тебя. Горько-горько ты плачешь,
а в руках этот круг, твой спасательный долбаный круг.

Вдруг меня накрыло вдохновение, я начал писать: «Никто не мог разделить моего щенячьего восторга: я был один на улице и наслаждался снегопадом. Откинув голову, я подставил лицо падающим крупным хлопьям, ловил их языком, пока не упала моя драная шапка с обгрызенными шнурками на ушах. Я поднял ее, отряхнул, надел и разочарованно взглянул на окна приятеля, с которым хотел сгонять в магазин, чтоб выбрать мне коньки. Он сказал: подожди, я быстренько, — но прошло уже больше часа, а его все не было. Скорей всего, родители запретили ему водиться со мной, думал я, лепя снежок, и вряд ли сегодня выпустят, так что придется переть в “Динамо” одному.

Взглянуло солнце, снежинки заблестели в лучах, и это было так красиво, что я издал боевой клич апачей и ринулся в город. В конце улицы сбросил скорость, подождал, пока проедет самосвал, и снова припустил. Я промчался мимо ворот инфекционной больницы, вдоль ее высокой стены и поворота на соседнюю улицу, которую мы называли грузинской, и заметил впереди себя девушку с длинными, до попы русыми волосами. Я сделал рывок, сократил расстояние между нами, и, хотя она была ко мне спиной, я все равно узнал в ней Элисо, дочку Мишико. Она была старше меня на год и жила с семьей на этой самой грузинской улице в красивом доме. С ее младшим братом-футболистом я даже дружил.

Какое-то время я плелся сзади Элисо, пялясь на ее упругую, туго обтянутую новыми джинсами попу, которая вдруг улыбнулась мне и спросила:

— Ну как я тебе?

— Супер! Ты охренная, совершенство! Я в восторге от тебя.

— А что ты раньше не смотрел на меня, в упор не замечал? Даже как-то обидно, знаешь ли.

— Да потому что тебя скрывали под безвкусными длинными платьями. А в джинсах ты заиграла, как снег в лучах солнца. Взгляни, они сверкают будто драгоценные камни, но штука в том, что снежинки тают на ладони, тебя же хочется потрогать руками, почувствовать, поцеловать!

— Так за чем же дело стало? Дерзай!

— Э, нет, хозяйка твоя хоть и похожа сзади на богиню благодаря тебе, но нос у нее, извини за прямоту, большой и кривой, как у Сирано де Бержерака. Целоваться с ней будет сложновато.

— Так ты не знаешь? Элисо сделала операцию, ей отрезали половину шнобеля, теперь она красавица, обгони ее, если не веришь мне, заднице!

— Тебе-то как раз я и верю. А чего она так спешит?

— Боится опоздать на автобус в Тбилиси, там она хочет встретиться с одним парнем.

— Он, наверное, взрослый, не то что я, шестиклассник, так что буду смотреть на тебя, если позволишь. Пошевели, пожалуйста, булками.

— Так?

— О да, спасибо.

— Я на какое-то время умолкну, потому что Элисо едва сдерживается, чтобы не пукнуть, боится испортить впечатление, которое произвела на тебя.

— Лобио, что ли, поела?

— С солеными помидорчиками, ну и выпила бокал красного вина для храбрости.

— Она что, решила дать тому парню?

— Пожалуй, но это между нами. Тсс, я умолкаю.

Так мы дошли до парка, но, прежде чем свернуть, Элисо взглянула на меня и спросила, на что я пялился.

— На твои джинсы, — сказал я и сделал вид, что кидаю в нее снежком.

Элисо втянула голову в плечи, но, увидев, что я бросаю понарошку, повернулась ко мне спиной и направилась к автобусной остановке».

Просыпайся давай, услышал я сквозь сон голос отца, приехали. Я протер глаза, хватился тетрадки, но она куда-то исчезла. Бросился искать в сумке, вытряхнул на сиденье ее содержимое, минуту смотрел на свой скудный гардероб, затем впахнул обратно свернутое валиком и завязанное ремнем кимоно, трусы, носки и еще какие-то тряпки. Взглянул под ноги — да вот же она! Поднял тетрадку, отряхнул обложку от пыли, открыл: пусто! А где текст, который я писал на Крестовом перевале? Неужели мне все это приснилось? И теткинны деньги пропали, я чуть не заплакал.

— Ты чего, — спросил отец. — Потерял что-то?

— Так, ничего, — я вжался в сиденье. — Выходи, я сейчас.

Папаша, протиснувшись между моими коленками и спинкой сиденья, двинулся к двери — в салоне мы были последние пассажиры. Я снова стал шарить под сиденьем и наткнулся взглядом на толстый дамский кошелек. Схватил его, открыл и увидел пачку денег. Среди сотенных я увидел и свою пятидесятирублевую бумажку. Я не мог ошибиться, у меня фотографическая память, но как она оказалась в кошельке? Наверное, выпала из моего кармана, кто-то нашел, скорей всего, мама девочки в гольфах, но вместо того, чтобы вернуть купюру законному хозяину, оставила себе. Я вынул кипу сторублевых и, поплевав на пальцы, стал считать. Ого, да тут целое состояние! Три тысячи рублей я переложил в свой карман, пустой кошелек положил на место, немного подумал и отпихнул его ногой.

Я сошел с автобуса и сразу же заметил девочку в гольфах, только теперь они были грязные и сползшие до щиколоток, мама ее в испачканном платье и драных колготках рылась в сумке и редела. Некоторые пассажиры протягивали им мелочь, другие виновато выворачивали карманы или ползали на карачках в поисках чего-то. Девочка будто ждала моего появления и, подняв на меня свои прекрасные заплаканные глаза, сказала: мама потеряла кошелек, ты случайно не видел его? Чего? — я немного замешкался с ответом, потом выпалил: да у меня у самого сперли пятьдесят рублей, если хочешь знать! Я же просила тебя вернуть ему деньги, обратилась девочка к своей маме, и слезы, как алмазы, покатались по ее персиковым щекам, что же нам делать, у нас ничего не осталось, мы нищие! Мне стало жаль ее, я подумал, что, если верну деньги, девочка даст взамен свой владикавказский адрес, ну, или номер телефона. Мы начнем встречаться, я приглашу ее в кино, угощу мороженым, а после просмотра какого-нибудь заумного фильма пойдем в парк на аттракционы. Начинать жизнь со лжи на новом месте не хотелось, да и как объяснить отцу, откуда взялось столько бабла? Во всяком случае, я готов был уже расстаться с деньгами, хотя это было непросто, и сунул руку в карман. Девочка следила за моими движениями, будто читала мои мысли:

— А сколько было в кошельке? — спросил я на всякий случай.

— Десять тысяч рублей, — ответила та.

Глаза мои чуть не выпали из орбит от изумления: вот оно, коварство в чистом виде, ведь отдай я сейчас ей три косяря, эта с ангельским личиком мошенница потребует с меня еще семь. Ладно, теперь я знал что делать: оставляю себе все до копейки, а в воскресенье поеду в Назрань на толкучку, куплю себе там несколько пар джинсов, самую крутую обувь и много-много классных рубашек.

Я вынул монетку в двадцать копеек, протянул девочке и, пробормотав «это все, чем могу помочь», двинул дальше. Банкноты в кармане захрустели, да так громко, что все пассажиры стали показывать на меня пальцем и орать: вот он, вор, ловите его! Я сделал рывок, но водители кинули мне под ноги беговою дорожку, и я закрутил ее,

как белка колесо. Девочка в гольфах вынула из багажной сумки самурайский меч, сделала несколько красивых движений, пассажиры ахнули от восторга. Затем она приблизилась к дорожке, по которой я пытался убежать, взмахнула мечом — хрясть, и башка моя слетела с плеч. Она подняла отрубленную голову за волосы и объявила: три тысячи в кармане этого воришки, я знаю, у кого остальные семь, не заставляйте меня убивать. Она взглянула на моего батю, тот опустил глаза. Я облизнул стекающую со рта кровь и стал гадать, что со мной будет дальше...

III

— Эй, просыпайся, — услышал я сквозь сон голос папаши.

Я открыл глаза и увидел, что сижу в трамвае, позади двое бритоголовых хрустели кукурузными хлопьями, а надо мной стоял огромный, пахнущий потом и еще чем-то кислым отец. Отсюда пойдем пешком, сказал он и двинулся к переднему выходу.

Я сунул руку в карман, нащупал банкноту, хотел вытащить, чтобы удостовериться, та ли это бумажка, которую тетка вручила мне перед отъездом, но не рискнул из-за гопников. Скорей всего, это были ингуши, они могли броситься на меня, пырнуть ножом, а деньги забрать себе. Я уже столько слышал об их жестокости, что решил сразу же по приезде раздобыть кастет, стилет или самодельный пистолет. Тогда я смог бы постоять за себя; на отца, как ни странно, я не рассчитывал. Оправив на себе одежду, я закинул на плечо сумку и дернул к выходу вслед за своим великаном-батей.

Мы шли по узкой дороге вдоль поля, отец смолил и, как всегда, был задумчив, вдруг он остановился и, стряхнув пепел с сигареты, промолвил:

— В прошлом году Гриша задавил здесь мальчика. Пацан гонял на мопеде по полю, потом выскочил на дорогу и угодил прямо под колеса Гриши.

Я легко представил себя на месте того бедного мальчика. Прошлой осенью я на велике тоже столкнулся с грузовиком на перекрестке и оказался распластанным на капоте. Если бы я повернул руль налево или просто тупо затормозил, то все обошлось бы. Но вместо этого я закрутил педали, как сумасшедший, и погнал велосипед прямо навстречу «газику». Шофер, снимая меня с капота, чуть не плакал, наверное, думал, что я помру, ведь я чуть не пробил башкой ветровое стекло. Что ж ты наделал, сынок, сипел он, решил в тюрьму меня упечь? Я вырывался, он почему-то не отпускал, держа меня за шкуру. Вокруг начал собираться народ, кто-то сказал, что надо бы вызвать милицию. Нет, крикнул шофер, все нормально, и, вынув из кармана пятерку, сунул мне в руку, запрыгнул в кабину и умчал. Я кинулся к своему велосипеду, с ним все было в порядке, даже спицы не погнулись. Уже дома я почувствовал озноб, мать померила температуру, оказалось тридцать восемь, и стала допытываться, что за шишки на лбу, почему губы распухли, как у почтового голубя. Я сказал, что врезался в столб, и она отстала...

— Хочешь клубники? — спросил отец.

— Конечно! А где она?

— Прямо перед тобой.

Я начал искать взглядом торгующую ягодами тетеньку, но увидел только всадника в папахе, и то вдалеке. Я решил, что отец разыграл меня, но тут с поля подул ветерок, и ноздри защекотал сладкий, ни с чем не сравнимый запах клубники.

— Офигеть! — крикнул я. — Да тут море клубники!

— Не вздумай только сунуться сюда днем, сторож здесь на лошади и с ружьем, понял?

— Да. А ночью можно?

Отец кивнул:

— Конечно. Ладно, пошли.

Мы потащились дальше, папаша сильно потел и все время обтирался платком, а я люблю жару. Летом я с раннего утра убегал в купальню «под орехами», нырял, плавал и жарился на песке, пока за мной не являлась мать с ивовым прутиком. Я хватал одежду и бежал впереди нее, босой, в одних плавках, подпрыгивая и уворачиваясь от сыпавшихся на меня ударов. Иногда я отскакивал в сторону, останавливался и смотрел в глаза мамочке, гадая, злится она или бьет шутя. Она не выдерживала моего испытывающего взгляда, хмурое лицо ее расплывалось в улыбке, она замахивалась прутом: вот я тебе сейчас всыплю, негодник...

Клубничное поле осталось позади за деревьями. Я брел по горячему мягкому асфальту, глядя на ржавые скелеты самосвалов, горы покрышек и металлолома, за которыми виднелись вагончики и барачные постройки. Два года назад здесь был пустырь.

- Кто живет в этих бараках? — спросил я отца.
- Ремонтные рабочие из Грузии.
- Земляки, значит?
- Они самые.

Дорога упиралась в широкие металлические ворота электроподстанции. Справа красовался огороженный проволочной сеткой особняк наших родственников с крытой деревянной верандой. Слева, за кустами отцветающей сирени и поспевающей вишни, высился трехэтажный корпус из силикатного кирпича, в котором жила Жанна. Я взглянул на ее окна, представил, как она расхаживает по комнате голая. Наверно, многое произошло в жизни такой красавицы за два года. Она могла, например, влюбиться в одноклассника и напрочь забыть про меня. И поделом мне, ведь я ни разу не позвонил ей, не написал ни одного письма, словно мы не прижимались в темноте у двери веранды. Все шло к поцелую, если бы дядя Гриша не открыл дверь и не втащил свое огромное пузо с морозной улицы, и нам пришлось разомкнуть объятия.

Мы встретились в комнате Залины, деликатно оставившей нас одних, и Жанна призналась, что думала обо мне, ждала и даже спросила номер моего несуществующего домашнего телефона у Залины. Еще она сказала, что я очень похорошел и снился ей по ночам. Конечно, мне было приятно слышать такое, и я шептал, что она самая красивая девушка на свете. И я не лгал: Жанна стала выше, красивее, грудь у нее, правда, не такая пышная, но точно не доска два соска. Ну да это всё пустяки, Жаннет только перешла в десятый класс, и в рот мне потные ноги, если к выпускному вечеру груди ее не отрастут до нужного размера. Плевать, если нет, я, между прочим, не фанат больших сисек.

А недели через две после этого мы решили устроить свидание на клубничном поле. Лето, звездная ночь, месяц серпом, стояк в штанах — что может быть романтичнее? Признаться, я не люблю целоваться или не умею, не знаю, что во мне не так, во всяком случае, не получаю от этого никакого кайфа. Меня больше возбуждает запах влажного нижнего белья. Но, чтобы не обидеть Жанну, я всосался ей в губы, языки наши сплелись, будто змеи во время спаривания, она закрыла глаза и застонала. Я сжал упругие ягодицы подружки, уложил ее на кусты, и воздух вокруг наполнился сумасшедшим запахом раздавленной клубники. Жанна совсем потеряла голову, задрала бархатную юбочку, стянула с себя трусики, я было уже взобрался на нее, и тут до моего слуха донесся стук копыт. Сработал извечный закон подлости: сторож, вместо того, чтобы надраться чачи и завалиться на боковую в своем шалаше, решил объехать владения. Он приближался к нам на лошади, и мне совсем не улыбалось вместо секса получить заряд соли в зад, так что пришлось схватить Жанну за руку и делать ноги. Выбравшись с клубничного поля на освещенную фонарями дорогу, мы побежали к барачному поселку ремонтных рабочих и спрятались за новым вагончиком бригадира Ираклия.

— Бежим отсюда, — прошептала Жанна.

— Зачем? Мы тут в безопасности.

— Нас тут еще не хватало.

Я прислушался: действительно, внутри скрипела кровать и кто-то стонал. Звуки эти страшно меня возбудили, я сжал Жанну в объятиях, она повернулась ко мне спиной, упершись руками в обшитый листовым железом вагончик, и нагнулась. Я спустил штаны и уже было вогнал в ее теплую влажную пещерку своего дракона, как снова услышал стук копыт. Что за рыцарь преследует нас, подумал я, и подкрался к краю вагончика. Выглянув из укрытия, я заметил всадника в папахе и с ружьем. На кончике его двустволки висели белые в красных пятнах трусики Жанны. Всадник немного покружился под фонарным столбом, потом пальнул: трусы, вспыхнув, взлетели и, описав огненную дугу, погасли во мраке.

Несколько рабочих, потягиваясь, вышли из бараков узнать, в чем дело, сторож не стал их ждать, развернул лошадь и ускакал. Скрип и стоны в вагончике прекратились, сейчас эта парочка тоже выйдет посмотреть, шепнула Жанна, и мы кинулись к другому, пустому на вид бараку. Мы были с ног до головы в клубнике, оглушенные ее запахом, и потому ноздри не сразу уловили вонь отхожего места. Держась за сладкие липкие руки, мы ввалились в барак, я первый наступил на кучу, поскользнулся и, падая, увлек за собой подружку. Всё как в жизни: только что ты был в клубнике, а сейчас по уши в дерьме, причем в буквальном смысле. Я встал, поднял Жанну, но теперь поскользнулась она, и мы снова плюхнулись, давя своими телами не клубнику, как в поле, а засохшее вперемежку со свежим дерьмо. Наконец мы выбрались из барака и, радуясь тому, что никто из нас не поранился о торчащие из продавленного пола гвозди, побежали к бассейну электроподстанции. Смыв с себя «шоколад» в нагретой за день воде, мы снова было попробовали заняться сексом, но Жанну вырвало. Сегодня не наш день, сказала она, давай сделаем это как-нибудь в другой раз.

Глупо было возражать, мы попрощались, она пошла к себе, а я вернулся в дом своих родственников и стал свидетелем очередного семейного скандала. Гриша в трусах сидел за столом на веранде, перед ним была бутылка водки, он пил и обвинял Анну в измене, говоря, что никакая она не уборщица, просто приглянулась бригадиру Ираклию или как там зовут этого подонка. Анна, глотая слезы, собирала осколки битой посуды и сваливала их в помойное ведро.

— Зелимхан, брат мой, царствие ему небесное, — сказал Гриша, — оставил мне двустволку, патроны я начинил картечью, так что охочие до чужих жен ублюдки будут валяться на свалке, так же как их сломанная ржавая техника...

— Совсем спятил, ей-богу! — не выдержала тетя Анна. — Ты бы хоть племянника моего постеснялся.

— Пусть слушает и мотает на ус, — Гриша выпил и грохнул стаканом об стол. — Мне он тоже не чужой.

— Ты когда на себя в зеркало смотрел? — Анна выпрямилась и взглянула на мужа.

— А что со мной не так? — Гриша налил себе водки.

— А то, что у тебя лицо черное, как при циррозе. Тебе лечиться надо, а ты жрешь водку и болтаешь невесть что!

— Лучше скажи, где ты шлялась? — Гриша взял пустую бутылку и вдруг швырнул ее в Анну, та увернулась, и пузырь, пробив стекло в окне, разбился во дворе.

На шум выбежала Залина в одном нижнем белье и стала кричать:

— Что ты говоришь про маму такое?! Совсем утопил мозги в водке! Она с утра до вечера пашет как лошадь! Скажи, пожалуйста, на чьи деньги мы живем? Ты ведь свою зарплату пропиваешь, копейки в дом не приносишь! Угадай, кто купил мне ткань для платья на выпускной вечер? Мама, конечно!

— Ну ладно, доченька, — дядя Гриша с трудом поднялся и хотел обнять Залину, но та грубо оттолкнула его от себя.

— И не стыдно тебе стоять передо мной в трусах? Я ведь уже не маленькая!

Кончалось это обычно тем, что тетя Анна, всхлипывая, успокаивала дочь и, обняв, уводила ее, дрожащую, с веранды. А дядя Гриша, посрамленный, тащил свое огромное брюхо и плоский зад во дворик покурить.

Папаша во время ночных разборок делал вид, что спит, он вообще старался пореже бывать в доме и целыми днями рыскал по городу в поисках работы. Я оказался шустрой, сразу же нашел секцию дзюдо и тренировался дважды в день, не успокаивался на этом — бегал по утрам вокруг клубничного поля, а после насиловал перекладину.

Скандалами меня трудно удивить, я привык к ним дома. Я выходил за дядей Гришей в душную ночь, чтобы ему не было одиноко и грустно, и молча стоял рядом, давая понять, что он может опереться на мое плечо. Пусть знает, что я ему больше, чем родня, — сын, о котором он мечтал, и было бы здорово, если бы он научил меня водить машину. Но дядя Гриша, после того как задавил на своем грузовике парнишку на мопеде, был очень осторожен и только однажды позволил мне сесть за руль.

Отец того пацана как-то приперся к нам бухой, выбил дверь веранды и, оттолкнув Анну, накинулся на дядю Гришу с дубинкой, крича: ты заплатишь за смерть моего мальчика, убийца! Плевать мне, что тебя оправдали в суде! Что ты чувствовал, мразь, когда искал в кустах голову моего сына?!

Мне хотелось схватить пьяного за седые космы и пинками вышвырнуть во двор, сил у меня на это хватило бы, но тетя Анна упала перед ним на колени, ползала по полу и, рыдая, просила прощения. Сам Гриша стоял, опустив голову и молча сносил удары, не делая попыток защититься. Он как будто принимал заслуженную кару и напоминал мне того черного быка с печальными глазами, которого резали на поминках старого Колы.

Дня через три после свидания на клубничном поле Жанна с родителями укатила на море. Перед отъездом мы встретились в подъезде ее дома, и она обещала позвонить на домашний телефон Залины. Я всхлипнул, сам того не ожидая, как будто чувствовал, что больше не увижу ее. Она тоже плакала, целовала меня и шептала: не беспокойся, милый, мы едем в Батум на две недели, скоро будем вместе. Она увезла в Батум мое сердце, я страшно скучал по ней и в ожидании звонка целыми днями просиживал штаны возле телефона, читая книжки.

Прошло несколько дней, Жанна все не звонила, я начал терзаться муками ревности, потому что знал, с какой легкостью приезжие девчонки знакомятся в Батуме с местными мачо. Наверняка Жанну охмурил на дискотеке какой-нибудь модно одетый грузин с томными глазами, и теперь они вместе гуляют по вечернему курортному городу. Воображение рисовало, как Жанна с местным бежит на пустынный ночной пляж, они купаются голышом, потом занимаются любовью. Я так ясно представлял себе эту картину, словно сам был на пляже возле трахающейся парочки. Дошло до того, что я решил поехать в Батум на поиски своей любимой.

Бабки я нашел в ящике стола бригадира ремонтных рабочих Ираклия, прежде выкрыв ключи из кармана тети Анны. Деньги мне всегда доставались с трудом, а тут такая удача, и не какие-то там пятьдесят рублей, а целый косарь новенькими сотенными бумажками. Проник я в вагончик Ираклия днем, когда в барачном поселке никого не было, так что у меня было время обшмонать берлогу бригадира. Постель его вся пахла духами тети Анны, значит, Гриша не зря подозревал жену в измене. Ну, это не мое дело, да и кто я такой, чтобы вмешиваться в дела взрослых?

И вообще, мне надоело жить на правах бедного родственника, я уже ненавидел своего отца-неудачника, по воле которого оказался в таком гнусном положении. Залина-неврастеничка несколько раз указывала мне на дверь, а как-то за обедом произнесла, что устала от нахлебников. Отец сделал вид, что не слышит, зато я демонстративно встал и ушел в комнату для гостей, насквозь пропахшую вонючими носками моего бати. Быстренько собрал свои шмотки, запихнул в сумку и решил

свалить в Цхинвал, но в дверях наткнулся на тетю Анну, она обняла меня и шепотом умоляла простить Залину, такую несдержанную на язык, ее можно понять, скоро выпускной вечер. Я дал себя уговорить и получил за это пять рублей.

В тот день после тренировки я решил прогуляться по проспекту и возле кинотеатра увидел драку: трое против одного. Точнее, три ингуша махались с осетином в желтой рубашке. Ингуши были какие-то невидимые, будто хотели слиться с надвигающимися сумерками, не то что наш, весь такой яркий, с копной светлых кудрявых волос, в брюках клеш и туфлях на платформе — прямо хоть в кино снимай. Он бил своих противников метко, со знанием дела, редко когда промахивался. Наконец отправил одного в глубокий нокаут и намерился свалить другого, как вдруг вскрикнул и, схватившись за живот, отбежал в мою сторону. Я увидел на его рубашке красное пятно. Ощущение было такое, словно я оказался на площади, где дрались Ромео и Тибальт. Тошнота подступила к горлу, ноги подкосились, как будто это мне всадили нож в живот.

Раненый взглянул на меня и спросил: ме фшымар ирон да!¹

— Да, — сказал я и стал озираться по сторонам, но вокруг, как назло, никого не было, люди спокойно смотрели фильм в кинотеатре. Видно, эта четверка оттуда и вышла на разборки. Побазарив и не сойдясь во взглядах, они начали биться на кулаках. Всем известно, как нагло ведут себя ингуши в публичных местах. Они ведь редко передвигаются поодиночке, всё больше группами, задевают прохожих, девушек, очкариков — словом, тех, кто не может постоять за себя. Недавно дядя Гриша считал, сколько убили ингуши таксистов-осетин, вышло семнадцать человек.

Но на этот раз ингуши напоролась на чувака, который, может, сам искал приключений: каждый нашел что хотел, и в итоге случилась поножовщина. Вдруг мне пришло на ум, что это, может быть, сон и очень скоро я проснусь в раскладном кресле с томиком Толстого. В реальной жизни так красиво не говорят, только в кино и то в комедиях, где высмеивается всё и вся.

— Слушай, малыш, мне совсем хреново, но я не могу отступить, иначе сам знаешь, что о нас потом будут говорить ингуши, — раненый перевел дух и продолжал: — По-братски, позвони в «скорую», а я пока сделаю одно движение.

Он надел кастет на окровавленные пальцы, сжал ладонь в кулак и ринулся обратно, а я побежал искать телефон-автомат, по дороге лихорадочно перебирая в карманах мелочь. Я понимал, что сейчас от меня зависит жизнь парня. И снова сработал извечный закон подлости: я выудил полную горсть медяков, но нужной монетки не оказалось. Я оглянулся и увидел, как ингуш в нокауте очухался, приподнялся, и в этот момент наш со всего разбегу заехал ему ногой по лицу и, похоже, убил его — такой был страшный звук от удара. Другой размахивал ножом, оглядываясь на своего, что-то кричал ему, пока не получил кастетом в лицо. Он рухнул на газон. Третий удрал. И тут послышался топот множества ног, свистки, крики: мимо пробежали менты. Парень ждал легавых, упершись рукой в дерево, рубашка на нем вся потемнела. Спасен, подумал я, и дернул за угол.

Под кроватью Ираклия был чемодан, я открыл крышку, порылся в вещах и вытащил завернутый в рубашку кинжал. Он был старинный, ножны и рукоять были отделаны золотом, я вспомнил, как два года назад дядя Гриша показывал мне этот кама². Он хвастал, что его прадед был знаменитый абрек, одно время он даже воевал на стороне Шамиля, и за храбрость и отвагу имам снял с себя ханжар³ и подарил ему. Потом он стал уговаривать предка дяди Гриши принять ислам, предлагал ему за это самую красивую девушку аула, где они остановились на ночь, бурку, черкеску со

¹ Братишка, ты осетин? (*осет.*)

² Кинжал (*осет.*).

³ Кинжал (*авар.*).

своего плеча, горсть золотых монет и еще какую-то хрень. Утром предстояла битва, и Шамиль хотел задобрить славного воина. Но предок дяди Гриши был свободолюбивый человек, он принял от Шамиля только кинжал, от других подарков отказался. А после битвы, покрытый славой, взялся за старое.

Я потрогал лезвие кинжала, оно было отточено, словно бритва, и мне захотелось перерезать себе горло. Жанна, смерть моя будет на твоей совести, я весь вспотел от желания покончить с собой. Встал, походил по нагретому, как сауна, вагончику, чтобы немного остыть, увидел стул в углу со стопкой одежды, покопался в ней и нашел новенькие джинсы. Я представил себя в них гуляющим по набережной Батума, и мне снова захотелось жить. Кинжал я положил на место, подумав, что Ираклий мог купить его у дяди Гриши через тетю Анну, когда понадобились деньги на суде после того страшного ДТП. Признаться, я не люблю холодное оружие, ну его к черту, навевает мысли об убийстве! Сколько раз за обедом я давил в себе желание схватить нож и воткнуть его кому-нибудь в глаз. А джинсы хоть и были велики, но я их взял чисто для медитации: буду смотреть на них, когда настроение будет говно, ну, или поменяюсь на тренировках с каким-нибудь тяжеловесом.

Прошло уже больше недели, Жанна не звонила, я совсем обезумел, и, если бы мне попало в руки ружье дяди Гриши, клянусь, снес бы башку себе выстрелом. Что стоит этой суке позвонить, ведь она прекрасно знает, как я страдаю? Чем она вообще думает, или эта белокурая шлюха настолько влюбилась в местного красавчика, что про меня забыла?

Вот тут-то к Залине приехала погостить ее школьная подруга Кристина. Я как увидел эту похожую на пуму девушку, сразу же втюрился в нее, растворился в ее огромных глазах. Странная штука любовь, из-за Жанны я украл деньги, а ради Кристины захотел их вернуть, только в вагончике Ираклия теперь постоянно кто-то был. Ну не беда, думал я, ночью, часа в два, когда все уснут, подкину деньги в окошко бригадира. Утром он найдет свои десять сотенных бумажек и перестанет подозревать Анну в краже. Может, даже подарит их ей, он ведь богач, Залина рассказывала, что у него трехкомнатная квартира в центре Тбилиси и офигенный дом с террасой с видом на Куру. Ираклий, кстати, и ко мне относился хорошо, подвозил иногда на своей бирюзовой «шестерке», когда я уставший возвращался с тренировки. А как-то сунул в нагрудный карман моей рубашки хрустящий червонец. Вот как ты отплачиваешь людям за добро, говорила мне совесть, поездка в Батум была просто поводом, чтобы обокрасть Ираклия. Но такова твоя природа, по сути ты вор, преступник, может, убийца — время покажет, и не надо со мной спорить и биться головой о стенку! Я пытался заткнуть пасть своей совести, но у меня ничего не получалось. Замученный бессонницей, я вставал с постели часа в два ночи, когда в доме все спали, и тайком пробирался в огород, откапывал джинсы Ираклия, вынимал из кармана сотенные бумажки, смотрел на них в свете луны и потихоньку успокаивался.

С появлением в доме Кристины память убрала Жанну куда-то в чулан, и теперь эта кукла Барби валялась рядом с другими ненужными воспоминаниями. Странно, конечно, что девушка, по которой я еще недавно ходил с ума, стала для меня персонажем неудачного сочинения, сказки, сна, — во всяком случае, я больше не думал о ней. В каком-то ковбойском фильме один из героев сказал другому: да у тебя, приятель, сердце шлюхи, — после чего снес ему башку выстрелом из кольта. Может, и в моей груди бьется такое же? Не знаю, но, если бы сейчас Жанна постучала в дверь, я бы не открыл.

Короче говоря, Кристина снесла мне крышу, она, к слову сказать, сама была сумасшедшая: когда взрослые уходили по своим делам и мы оставались дома втроем, она скидывала с себя платье и носилась по комнатам в одних трусиках. Залина тоже раздевалась, и девчонки начинали вертеться у зеркала, рассматривая себя в мельчайших подробностях, пробуя на мне свои чары. У Кристины была навязчивая идея сесть мне

на лицо. Да не ломайся ты, говорила она, тебе понравится, давай ложись на диван, я сниму с себя трусики, если желаешь. В такие минуты я готов был трахнуть Кристину не набухшим в штанах членом, а своим наполненным любовью сердцем. Зай, смотри, как ломается твой братец, как будто не хочет полизать мою девочку. Та хихикала и просила подругу не говорить непристойности. Бывало, Кристина запрыгивала ко мне на колени и начинала тереться об мой вздыбившийся член. Она выгибалась дугой, ее длинные черные волосы откидывались назад и касались паласа. Я в кровь кусал губы, чтобы не застонать, когда кончал, но от наездницы не укрывалось проступившее на ширинке брюк влажное пятно. Довольная, она спрыгивала с меня и спрашивала: скажи, Тамик, как тебе моя фигура? Ну-ка раздвинь ноги, да не ломайся, как девчонка, ого, у тебя в штанах кусок арматуры, и это после того, как кончил!

Я был бы счастлив исполнить любое желание Кристины, если бы не Залина, всякий раз обламывавшая нам кайф. Видно, она завидовала подруге и говорила ей, что я сохну по Жанне, потому-то и сижу в кресле возле телефона, жду звонка от любимой. Врала, сука, это был мой хитрый ход, чтоб быть поближе к Кристине, вдыхать сумасшедший аромат, который исходил от нее.

Как-то я уснул на диване с книгой, и во сне черная пума начала делать мне минет. Я ужасно хотел кончить, но боялся, что, если брызну в морду хищницы, она разозлится и разорвет мое тело на части. Я кусал губы, держался, но плотину все-таки прорвало! Я открыл глаза и увидел перед собой забрызганное спермой лицо Кристины. Залина смотрела на нас, сунув руку в трусы, мастурбировала и кричала: нет, я не могу смотреть на это, папа, помоги, ну сделай что-нибудь, ты же такой сильный! Что за чертовщина, думал я, обливаясь потом, инцеста тут еще не хватало, надо скорей валить из этого сумасшедшего дома. Поеду с Кристиной на море, уверен, такая оторва согласится составить мне компанию. Нам будет хорошо вместе, притворимся братом и сестрой, снимем квартиру в центре Батума, может, и Жанну встречу, пройду мимо нее, целую Кристину, даже не взглянув. Теперь ее очередь мучиться!

Я проснулся окончательно и увидел, что лежу на диване один. Кричали на веранде. Я вскочил и в мокрых штанах побежал туда. В дверях столкнувшись с визжащей Залиной, я схватил ее за плечо, хотел было спросить, в чем дело, но она, оттолкнув меня, бросилась к телефону. Тетя Анна вбежала следом за ней, отобрала у дочери трубку и прошептала: не делай этого, прошу тебя! Мама, они же убьют друг друга! Я выскочил на веранду. Кристина в шортах нагнулась в углу над помойным ведром, ее рвало. Я шагнул к распахнутому окну и увидел в двадцати шагах от дома бирюзовую «шестерку» с разбитыми стеклами и открытой покореженной передней дверцей. На крышке багажника торчал, как плавник акулы, кинжал. Двое дрались возле машины, оба в разорванных окровавленных рубашках. В одном я узнал Ираклия, у другого щека была отрублена и висела над грудью, как индюшачий нарост.

Видел кинжал, обернулась Кристина. Я бы тебе сейчас засадил свой по самую рукоять, сострил я. Болтать только умеешь, сказала она и юркнула в комнату к своей бьющейся в истерике подруге. Из окна корпуса, где жила Жанна, вопила какая-то женщина, как будто это ей отрубили щеку: Ираклий, изверг, что ты наделал? Разрубил человека пополам, как кочан капусты! Господи боже, как ты будешь жить с этим? Грузины были пьяны, ругались и продолжали биться. Я знаю грузинский и понимал, из-за чего началась буча: Ираклий обвинял своего противника в краже десяти тысяч рублей и джинсов, которые подарила ему на день рождения тетя Анна. Тот, матерясь, все отрицал и, придерживая отрубленную щеку, бил Ираклия ногой. В барачном поселке, как назло, никого не было, рабочие в это время дня обычно вкалывали в городе и возвращались в свои логова только вечером. Дядя Гриша спокойно стоял у калитки, курил и переводил взгляд с кинжала на дерущихся, пока на горизонте не появился отец того погибшего мальчика. Заметив кровника, дядя Гриша, несмотря на

свое огромное брюхо, резво взбежал по шатким деревянным ступенькам крыльца, открыл дверь веранды, прошел мимо меня в свою комнату.

Страшная драка с отрубленной висящей щекой подействовала на меня как рвотное, я кинулся к помойному ведру, схватил его, поднес к лицу и замер в ожидании. Ничего, однако, не произошло, я запил тошноту кружкой воды, снова стал смотреть на дорогу — картина уже изменилась: Ираклий и чувак с отрубленной щекой били ногами седого пьяницу, и тот, вместо того чтобы защищаться, как подобает мужчине, валялся на асфальте и визжал бабьим голосом: не надо, пожалуйста, оставьте меня, я несчастный человек, моего сына убил Гриша!

Ираклий, шатаясь, подошел к машине, выдернул кинжал из крышки багажника, вернулся к лежащему в пыли пьянице и сказал:

— Отдай то, что ты украл у меня, или я сейчас отправлю тебя на небо к твоему сыну!

— Нет у меня ничего, — плакал пьяница.

— Заза, ты точно видел его возле моего вагончика? — обратился бригадир к чуваку с отрубленной щекой.

— Конечно, матерью клянусь!

— Ты слышал, мразь?

— Ничего я у тебя не крал, — хрипел пьяница. — Я просто зашел в барак поссать!

— Ладно, мне уже плевать, — Ираклий нагнулся, схватил отца погибшего мальчика за волосы и приставил лезвие к глотке.

— Ираклий, ты что, совсем спятил?! — кричала баба из окна корпуса. — Не делай этого, Господи боже, как ты потом будешь жить с этим!

Я стал пятиться, наткнулся на кого-то, отскочил в сторону и увидел дядю Гришу, прицелившегося из двустволки. Он был очень страшный, несмотря на свое большое пузо и сползшие брюки с тяжелыми оттопыренными карманами, и мне вспомнился его предок-абрек, воевавший на стороне Шамиля. Дядя Гриша дважды пальнул в окно, перезарядил ружье, снова прицелился, я замер в ожидании, но выстрела не последовало. Женщины выбежали из комнаты и подняли страшный крик, тут же открылась входная дверь, и на веранде появился отец погибшего мальчика с распухшим жутким лицом и следами ног на разодранной одежде. Гриша, крикнул он, ты спас мне жизнь, дай я тебя обниму, но тот повернулся и молча пошел в свою комнату, гость кинулся за ним.

Я взглянул в окно и увидел возле «шестерки» два тела, оба лежали ничком, у одного еще дергалась нога, у другого была всего половина головы. Кристина бросилась к ведру, я не успел, меня вырвало на стол, и тут в комнате дяди Гриши грохнул выстрел и тяжелое тело упало на деревянный пол...